№ 48 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

МАЙ-ИЮЛЬ 1955 г.	DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE P. O. Box 54, Cooper Station New York 3, N. Y.	31-й год издания

ОТ МАРКСА К БАКУНИНУ

"В стране победившего социализма" победа клонится не в сторону Маркса, а в сторону Бакунина. Это признают сами марксисты.*

Заговорили об этом после того, как молодая немецкая журналистка Бригитта Герланд, после своего возвращения из сов. каторги, напечатала несколько статей об условиях жизни в концлагерях. По словам Герланд, значительная часть "населения" Воркуты состоит из студентов и студенток, считающих себя последователями "истинного труда Ленина" (ИТЛ). Статьи Герланд вызвали ряд недоумений. Как так, спрашивали некоторые, последователи "истинного труда Ленина" и вдруг — в концлагерях? Разве мыслимо, чтобы в СССР за приверженность к Ленину арестовывали? Другие пытались объяснить это тем, что Герланд, как иностранка, мало знакомая с русским языком, неправильно истолковала начальные буквы ИТЛ, означающие будто бы — "Исправительные Трудовые Лагеря." Последняя версия объяснения вынудила Герланд выступить с опровержением, в котором она заявляет, что за годы своего пребывания в СССР она достаточно ознакомилась с русским языком и что ИТЛ — не Исправительные Трудовые Лагеря, а "истинный труд Ленина."

Герланд права. Аресты в СССР за "истинный труд Ленина" вполне возможны. И вот почему: преподавание марксизма в СССР считается обязательным во всех учебных заведениях. Шутники утверждают, что даже математику или акушерство приходится изучать с точки зрения марксизма. И вот, молодые люди, впитав в себя все тонкости и мелочи этой догмы, становятся — что вполне естественно — марксистами до конца, при чем они считают таким же марксистом "до конца" и Ленина.

Но что такое марксизм "до конца"? Некоторый ответ на это дает следующая цитата из Коммунистического Манифеста:

> "Когда в ходе развития исчезнут классовые различия и все производство сосредоточится в руках объединенных в коллектив инидивидуумов, тогда общественная власть утратит свой политический характер. Политическая власть, в собственном смысле слова, это — организованная сила одного класса для подавления другого. Если пролетариат в борьбе против буржуазии непременно объединяется в класс, если путем революции он превращает себя в господствующий класс и в качестве господствующего класса силою упраздняет старые производственные отношения, то вместе с этими производственными отношениями он упраздняет условия существования классовой противоположности, ликвидирует классы вообще, а тем самым и свое собственное господство, как класса. Место старого бур-

* См. статью П. Берлина "Призрак Бакунина бродит по СССР," напечатанную в "Соц. Вестнике" за август-сентябрь 1954 г.

жуазного общества с его классами и классовыми противоположностями занимает ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех" (Партийное Издат. Москва 1932 г. Стр. 36).

В выше приведенной цитате нет ни малейшего намека на анархизм, но мысли, выраженные в ней, очень близки к анархизму. Очевидно быть марксистом "до конца" — то же самое, что быть анархистом. Вот почему учащаяся молодежь, стремящаяся к 100% марксизму, посылается в концлагеря. Молодежь эта, считая, что классовые подразделения давным-давно исчезли в России и что пролетариат давным-давно (теоретически) стал господствующим классом, требует упразднения государства. Ибо над кем же господствовать, если нет другого, подчиненного пролетариату, класса?

Приведенные Бриттой Герланд отрывки из прокламаций заключенных студентов по своему содержанию очень напоминают вышеприведенную цитату из Манифеста. В прокламациях Воркутских узников (см. № 46 "ДТП"), как и в цитате, говорится о том, что политическая власть должна быть упразднена, что ее место должны занять производственные комитеты, которые будут распоряжаться не людьми, а вещами. В переводе на политический язык это означает, что должен быть установлен синдикалистический строй. (Между прочим, последователи "истинного труда Ленина" впоследствии стали называть себя синдикалистами.)

Синдикализм—первая ступень от марксизма к анархизму. На этой ступени центром внимания считается производство (как и у большевиков). Весь мир — огромная фабрика. Все люди работают и работают. Человека еще нет, — есть лишь производитель. Постепенно, однако, люди начинают убеждаться, что производство не цель жизни, а лишь ее подспорье, что человек приходит в сей мир не только для того, чтобы создавать вещи, но и для того, чтобы чувствовать жизнь, сознавать ее и радоваться ею. Это сознание поднимает людей на высшую ступень, — на ступень подлинного анархизма. Нет сомнения, что молодежь СССР, освоившая (выражаясь большевистским языком) марксизм, тоже дойдет до этой ступени.

Принимая во внимание, что в советских библиотеках нет никаких книг, за исключением тех, которые разрешены партией, можно с полным основанием полагать, что из попавших на Воркуту студентов и студенток мало кто читал анархическую литературу. Дошли они до отрицания государства исключительно путем логического, последовательного восприятия марксизма, который подобен легендарному Мавру: сделал свое дело — может уходить. Марксизм мыслим лишь до тех пор, пока существует деление общества на классы. (Приблизительно в таких же условиях находится и синдикализм.) Когда же это деление исчезает, надобность в марксизме, как явствует вышеприведенная цитата из Коммунистического Манифеста, прекращается. Иначе говоря, марксизм, доведенный до своего логического конца, сам себя исключает.

Это давно поняли остановившиеся на полдороги меньшевики. Из всех меньшевистских деклараций и заявлений видно, что эти марксисты нисколько не стремятся к упразднению классовых подразделений. Единственно чего они хотят — быть представителями рабочего класса (переименованного в партию) и на парламентских подмостках заниматься политическим фехтованием с представителями других классов и сословий. Большевики пошли гораздо дальше. Большевики приняли революцию, провозгласили диктатуру пролетариата и объявили бесклассовое общество. Одним словом, дошли до того места, на котором у них ничего другого не остается, как совершить политическое харакири. Но разве большевистские главари способны на это? Конечно, нет. Только мечтательные студенты могли допустить, что Ленин сделал бы это, почему они свое движение и назвали "истинным делом Ленина." У последнего было столько же честности и последовательности, сколько и у остальных большевиков. Все они марксисты до захвата власти, а когда власть захвачена, — прощай марксизм! Огорчаться из-за этого, конечно, не приходится, тем более, что мы не являемся защитниками марксизма. Но констатировать факт — следует.

Все, что сейчас большевики делают, — противоречит марксизму. И последовательному марксисту приходится выбирать: или лжемарксизм, или Воркута. Это расхождение советской действительности с идеологией марксизма — одно из самых уязвимых мест большевизма. Безвластники могут смотреть на это, как на вполне заслуженное большевиками возмездие. Слишком много вреда и обиды причинили большевики анархистам. В самом начале своего царствования они постарались уничтожить буквально все анархическое движение. Кого расстре-

ляли, кого сослали в ссылку, кого выслали заграницу. (Высылка заграницу, впрочем, была произведена лишь один раз, да и то под давлением представителей трэдюнионов западно-европейских стран.) При том, уничтожали большевики анархистов не как своих идейных противников, а как уголовных преступников. Имеется весьма характерный разговор Беркмана с Лениным. Во время своего кратковременного пребывания в России (после высылки из США) Беркман решил пожаловаться Ленину на несправедливое отношение совласти к анархистам.

"Помилуйте, Александр Осипович, — цинично заметил Ленин, — все идейные анархисты работают с нами, а те, что в тюрьмах сидят или попадают под расстрел, так это же — бандиты." (Под идейными анархистами Ленин, конечно, подразумевал тех, кто поступил, как Иуда, — отрекся от анархизма и перешел к большевикам.) И вот теперь из самых недр марксизма выходят люди, готовые занять места тех, кого Ленин назвал бандитами. Разве это не возмездие? Правда, новые безвластники, в свою очередь, идут на Голгофу, но на смену им придут другие. Это неизбежно. Пока марксизм в СССР не запрещен (от большевиков всего можно ожидать) движение от Маркса к Бакунину будет продолжаться. Будут появляться все новые и новые последовательные марксисты, т. е., проще говоря, безгосударственники.

Видя все возрастающее количество последователей "истинного труда Ленина," большевики много энергии затрачивают на то, чтобы дискредитировать идею безвластия. Даже науку на помощь призвали (наука в СССР, как и всё прочее, должна служить партийным целям) и с "социологической" точки зрения "доказывают," что безвластие —идеал "социальных разбойников," индустриальных индивидуалистов, т.е. крупной буржуазии. Магнаты, говорят большевики, преследуют исключительно личные цели. Они, как ницшеанский сверхчеловек, благословляют все, что приносит им пользу, т. е. увеличивает их доходы. Государство им не нужно. Наоборот, оно даже вредно для них, ибо иногда может стеснять их произвол. При этом большевики ссылаются на такие архибуржуазные печатные органы, как "Чикаго Трибюн," где, действительно, иногда высказываются подобные мысли. Большевики, конечно, не говорят, что крупная буржуазия государства не отрицает, а лишь старается низвести его на роль сторожевого пса. Не говорят они также, что "антигосударственность" буржуазии обусловлена стремлением к беспредельной наживе, к торжеству произвола, ничем неограниченной эксплоатации, т. е. как раз противоположного тому, к чему стремятся анархисты. Анархисты отрицают государство во имя торжества справедливости, буржуазия же "отрицает" государство во имя торжества несправедливости. Разница — огромная.

Судя по тому, что на одной лишь Воркуте количество арестованных студентов и студенток исчисляется тысячами (так заявляет Бригитта Герланд), надо признать, что попытка большевиков дискредитировать идею безвластия не имеет успеха. Население видит, что государство — в особенности тоталитарное — кроме вреда, решительно ничего людям не дает. Все, что люди имеют, достигнуто помимо государства и даже вопреки государству.

Взрослое население по известным причинам не может действовать, как молодежь. Молодежь всегда активная, шумная, безудержная и, до известной степени, неосторожная. Она открыто предъявляет свои требования, за что идет тысячами в концлагери. Взрослое население, ощущая на каждом шагу стоголовое чудовище, предпочитает действовать более осторожно. Антигосударственные настроения населения больше всего проявляются в той апатии, которая отмечается всеми иностранцами, посетившими СССР, и которая не отрицается даже совластью. Все советские издания пестрят заголовками, в роде: "Шире развернуть...," "Больше внимания...," "Догнать и перегнать..." и т. д. Если, после 38 лет царствования, все еще приходится ***подгонять*** население, то это значит, что среди населения нет решительно никакого интереса ко всему тому, что предпринимает совласть. Даже пресловутое хрущевское поднятие целины, по всем признакам, обречено на провал. Когда-то крестьяне, тощие лошаденки которых не проявляли большого рвения к работе, говорили: "сколько бьешь — столько едешь." Нечто подобное приходится применять Хрущеву к колхозникам: сколько он их бьет — столько они работают. Не будет большой неожиданностью, если большевики через некоторое время заявят, что колхозники по своей природе лентяи. Подлинной причины апатии колхозников большевики никогда не скажут.

Апатия населения — не что иное, как пас-

сивный анархизм. Но это другая тема. Нас сейчас интересует то, что марксизм, доведенный до своего логического конца, означает безгосударственное устройство общества. Люди организуются в свободные ассоциации, над которыми не должно быть никакой политической власти. Государство, как аппарат насилия, становится совершенно ненужным после победы пролетариата. Это и воспринимает учащаяся молодежь.

Есть еще одно обстоятельство, свидетельствующее, что марксизм для большевиков — то же самое, что конь для князя Олега (причина смерти). Что бы ни говорили о марксизме, но следует признать, что он явился, как протест против социальных язв капиталистического строя. Основоположники марксизма подвергли капиталистический строй весьма резкой критике. Они выпукло выявили наружу все отрицательные стороны капиталистического общества. И вот, учащаяся молодежь, читая об этих социальных язвах и сравнивая их с тем, что осуществлено в СССР, приходит к заключению, что язвы эти не только не исчезли при большевиках, но приняли гораздо большие размеры. Ни одно зло, порожденное капитализмом, не отменено в СССР; оно процветает, но в больших размерах и несколько в ином свете: вместо частного капитализма появился капитализм государственный. Но так как государства, как чего-то самостоятельного (т. е. как отдельной личности) нет, то этот государственный капитализм, как и частный, доставляет блага жизни лишь немногим лицам (тем, в чьих руках находится государственный аппарат).

Отсюда вполне понятно, почему уяснение марксизма ведет к отрицанию того, что создали большевики. *А.*

"В советских концлагерях имеется больше анархистов, чем в общем можно было предположить, — старых и молодых. С их точки зрения весь опыт большевизма дает им убедительный довод. И, действительно, я верю, что единственные страны мира, где остаются еще анархисты в значительном количестве, — это Испания и Россия. Те, с которыми я встречался в тюрьмах и лагерях, бесперывно меня расспрашивали об испанском анархизме и об Испании, к которой они проявляли живое восхищение." (Из книги Эль Кампансино "Жизнь и Смерть в СССР" 1939-1949, стр. 129-130). *А. Ш.*

ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Мы должны внимательно следить за положением молодежи СССР и по мере своих сил обращать внимание мировой общественности на исключительно тяжелую жизнь советской молодежи. Нас волнует ее судьба, т. к. в недалеком будущем сов. молодежи принадлежит сказать свое слово, которое будет решающим не только для нашей родины, но, возможно, и для всего мира. "Коллективное руководство" хорошо понимает и чувствует, какую потенциальную силу таит в себе молодежь, поэтому старается подчинить ее себе, физически и морально обезвредить для себя эту грозную силу, сломать волю молодежи и ее самостоятельность и выбить всё, что могло бы быть опасным для власти.

Через комсомол советская власть дает молодежи самые трудные задания и в то же время подзадоривает ее крикливыми лозунгами о "комсомольской чести" и "обязанностях молодежи перед партией и правительством." Сознательно и планомерно совласть изматывает и изнуряет физически молодежь, заставляя детей 10-летнего возраста работать в колхозах, а в городах с 12-14 лет в школах фабрично-заводского образования (ФЗО) и ремесленных училищах (РУ). В этом году, как никогда, жестоко применяется труд детей-школьников в совхозах, колхозах и других хозяйствах. На заводах, фабриках и на строительстве правительство старается выжать из молодежи 2-3 нормы, принуждая работать сверх-скоростными темпами и беспрерывно подгоняя "социалистическими соревнованиями" то в честь "Октября," то "конституции," а теперь требует досрочно выполнить пятую 5-летку к августу-сентябрю 1955 года.

Изнурение молодежи идет еще и по линии обязательного вечернего профессионального обучения, а также по линии политических митингов и политучебы, проводимых в ударном порядке; если добавить сюда плохой транспорт, исключительно скверное распределение—торговлю, т. е. малое число магазинов и лавок, столовых и закусочных, где теряется 2-3 часа времени на очереди, тогда картина станет более ясной. К концу дня и старые, и молодые рабочие настолько устают, что для мыслей и анализа уже нет сил. Это-то и нужно "коллективному руковод-

ству," т. к. думающий и анализирующий человек для него опасен.

За последнее время у рабоче-крестьянской молодежи советская власть отняла право на высшее образование: десятиклассникам ограничено право поступления в ВУЗы, их гонят на фабрики и заводы, а вместо университетов создают технические училища, дающие им право в лучшем случае стать слесарем, но не врачем, ученым или педагогом. В деревнях же десятки тысяч молодежи, окончившей неполные и средние школы, насильно загоняют в сельско-хозяйственные училища, после которых молодые люди станут свинарками или доярками и навсегда загасят в себе свободный выбор профессии. Молодежь со средним образованием переживает сейчас подлинную трагедию, т. к. власть сознательно ограничивает рост интеллектуальных сил в стране.

Контроль и надзор за молодежью осуществляется через партийные, комсомольские и пионерские организации в школах. Десятки партийных и комсомольских постановлений и приказов опутывают молодежь с головы до ног и висят тяжелой гирей на ее сознании. Назойливая партийная опека не дает молодежи никакой самостоятельности и весьма искусно направляет ее энергию на каторжную работу и на ненависть ко всему небольшевистскому. На это пущены все средства пропаганды: театр, кино, радио и бесчисленные выступления агитаторов.

Об отправке сотен тысяч молодежи на целинные земли писалось уже не раз. Помимо военно-политических целей (перенос зерновой базы на восток) и подстегивания местного населения новыми пришельцами, соввласть преследует и другие цели: отправить подальше, куда Макар телят не гонял, ненадежный, но довольно активный молодой элемент, который вырос за эти годы в крупных городах и стал опасен для власти; обезвредить его и одновременно выжать из него побольше пользы для себя и пытается "коллективное руководство."

Интересно отметить, что молодые солдаты, демобилизованные из оккупационной армии в Германии и Австрии, прямым ходом отправляются якобы добровольно на организацию новых совхозов, сильно напоминающие военные поселения Аракчеева. Эта молодежь, побывавшая заграницей, очень опасна для совласти.

У молодежи власть забирает все духовные и физические силы, а взамен дает ей лишь нищенское существование: рабочие общежития в бараках, казармы для учеников ремесленных и технических училищ, военную муштру и прочие "прелести" безудержной эксплуатации и угнетения. Дети колхозников часто должны ходить в школы за 10-18 километров пешком. Нищенский заработок родителей-колхозников заставляет их отрывать своих детей от школы и посылать 10-летних зарабатывать трудодни.

Однако, несмотря на диалектическую изворотливость марксистских люмпен-пролетариев, именующих себя коммунистами, молодежь, по свидетельству новых перебежчиков, все меньше и меньше верит "партии и правительству," ее руководству, и все трезвее оценивает осточертевшую ложь и фальшь большевистской пропаганды. Будем надеяться, что русская молодежь найдет в себе силы к активному сопротивлению и выступлению за свои человеческие права и за свое человеческое достоинство.

Федор Герасимов

Ключ, отпирающий замок той цепи, которою скован рабочий народ, положен подле него, и ему стоит только взять ключ, отпереть цепь и быть свободным. Но рабочие люди до сих пор не делают этого, а либо, ничего не предпринимая, предаются унынию, либо рвутся, обламывая себе плечи, в надежде прямо оборвать неразрывающуюся цепь, или, что еще хуже, поступают, как привязанное животное, когда оно бросается на того, кто хочет отвязать его, нападают на тех, которые показывают им на тот ключ, которым отпирается замок их цепи.

Только когда люди откинут все суеверия, в которых их старательно воспитывают, поверят в то, что закон о том, чтобы делать то, что хочешь, чтобы тебе делали, есть главный закон нашего времени, закон Бога, поверят так, как верят теперь в празднование субботы, в соблюдение постов, в необходимость богослужений, причащений, в пятикратную молитву или в исполнение присяги и т. п., и, поверив так, будут исполнять этот закон прежде всех других законов и постановлений, — только тогда уничтожится рабство и бедственное положение рабочих.

Л. Н. Толстой.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА-ПРОБУЖДЕНИЕ

ОБЪЕДИНЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Американское рабочее движение, как свидетельствует его история, никогда не было единым и монолитным. В его рядах были и остаются различные организации, преследующие те или иные задачи и цели. Наряду с умеренными, защищающими мирные методы борьбы за достижение мелких, повседневных интересов рабочих в рамках капиталистического строя, имеется крайние, революционные элементы, стремящиеся к уничтожению старой капиталистической системы и введению нового социального строя. История этого движения может отметить "Рыцарей Труда," игравших большую роль в радикальном рабочем движении в конце прошлого столетия, консервативную Американскую Федерацию Труда, прогрессивный Конгресс Индустриальных Организаций, радикальных Индустриальных Рабочих Мира и многие другие. Взаимоотношения этих разношерстных организаций долгое время носили характер не дружелюбной взаимной борьбы. Но, благодаря некоторым объективным условиям переживаемого момента рабочим движениям в США, за последнее десятилетие наблюдается сильное стремление к объединению рабочих организаций и принятию однородных методов борьбы труда с капиталом.

Недавно состоявшееся объединение двух могущественных профсоюзов АФТ и КИО, насчитывающих в своих рядах около 15 миллионов членов, ярко свидетельствует о большой силе организованного труда, роль и влияние которого в индустриальной и политической жизни страны не могут быть пока еще вполне оценены. Но уже теперь рабочие все больше и больше убеждаются в том, что они не вечные рабы — производители, обогащающие своих эксплуататоров-капиталистов, но прежде всего люди, требующие защиты своих интересов и лучших условий жизни вообще. И как лидеры, так и рядовые члены объединенных организаций сходятся на том, что американское профессиональное рабочее движение должно выставить единый фронт борьбы и солидарности всех рабочих с целью защиты их требований.

В выпущенной Объединенной Федерацией декларации имеется несколько важных пунктов, указывающих на ее несомненно прогрессивный характер. В ней ярко подчеркивается, что объединенние АФТ и КИО является большим практическим актом и подлинным выражением надежд и стремлений американской рабочей массы, что Федерация будет добиваться для всех рабочих, без различия расы, национальности и цвета, равных условий труда, как сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы, оплата вакаций и праздничных дней, что американские рабочие будут оберегать свои юнионы от развращающего влияния коммунизма, фашизма и других видов диктатуры и тирании, что они будут всеми силами защищать самодеятельность рабочих и поддерживать во время избирательной кампании прогрессивных кандидатов демократической и республиканской партий с целью добиться для рабочих либеральных законов, что они будут поддерживать европейских рабочих в их борьбе за свободные демократические организации и что, наконец, они считают, что единственно правильной тактикой европейского рабочего движения должно быть мирное сотрудничество труда с капиталом.

Все это, допустим, хорошо и совместно с демократизмом американского рабочего движения, в особенности, если принять во внимание наблюдаемую в нем тенденцию примирения с капитализмом. Но последний пункт о мирной тактике навряд ли может вызвать одобрение европейских рабочих масс, стремления и цели которых разнятся от американских. Ведь тактика рабочего движения разных стран различна по своим формам и методам и она всегда проявляется в зависимости от сложных социальных условий и идейных устремлений трудовых слоев данной страны. Американское рабочее движение, например, держится такой социальной "философии": Трудно предвидеть будущее. Рабочие не могут довольствоваться идеалами далекого будущего; они живут реальными интересами "сегодняшнего дня" и не мечтают о высших идеалах. Процесс постоянного развития и улучшения экономической и социальной жизни затрагивает все классы общества: рабочих, капиталистов и т. д. Рабочий класс в целом отвергает идею классовой борьбы и верит, что мирным путем, т. е. сотрудничеством труда с капиталом, он может добиться максимума удовлетворения своих требований.

Такая вера резко расходится с радикальными и революционными традициями рабочего движения многих европейских стран. В Америке рабочие считают себя свободными и легко уживаются с капиталистической системой эксплуатации и неравенства. В Европе же рабочие, по крайней мере, известная часть из них, верят в высшие идеалы социализма и анархизма и они стремятся к коренному переустройству старого общества и введению нового социального строя, основанного на свободе и равенстве. Нельзя, следовательно, считать, что одна и та же тактика может быть одинаково и с успехом применима во всех странах.

Нет сомнения, что объединение рабочих очень важное и необходимое дело, но лишь тогда, когда оно связано с борьбой не только за грошевые материальные интересы, но и за высшие идеалы освобождения труда от капитала и власти. Там, где такой борьбы нет, рабочие осуждены нести ярмо вечного рабства. Остается только надеяться, что американский пролетариат, объединив свои силы на экономической почве, с течением времени окрепнет идеологически и сыграет решающую роль в процессе освободительного рабочего движения. *Л. Липоткин*

КАК СТРЯПАЮТСЯ ЗАКОНЫ?

Журналист Лестер Вели задался целью изучить штатные законодательства. Это изучение привело его к весьма интересным открытиям, изложенным в его статьях, напечатанных в журнале "Ридерс Дайджест."

Прежде всего г-н Вели начал запрашивать обывателей, знают ли они своих штатных законодателей, которые пишут для них всевозможные законы, регулирующие их жизнь. Оказалось, что огромное большинство не знает своих законодателей. Из этого Вели сделал вывод, что законодательство—"беспризорно," им не интересуются и не обращают на него внимания рядовые граждане, несущие на себе всю тяжесть государственной машины.

Обыватели составляют главную массу общества, а их законодатели, которых они не знают, именуют себя "слугами общества." Эти "слуги" не только регистрируют рождения, браки и разводы, но и устнавливают наказания за нарушение изданных ими законов. Они регулируют торгово-промышленные предприятия, которые нанимают обывателей на работу, устанавливают вознаграждение за полученные на работе увечия и указывают гробовщикам, как они должны хоронить покойников, а судьи, официально утверждающие духовные завещания обывателей, указывают, как поделить оставшееся имущество покойника.

Все это свидетельствует лишь о том, какое огромное значение имеет т. н. законодательство для забитых нуждой и горем обывателей, которых "слуги общества" опекают с такой "заботливостью."

Как же законодатели "обмозговывают" издаваемые ими законы?

В штате Алабама законодательный период ограничен 36 днями, в течение которых легислатура заваливается огромной массой законопроектов. В штате Луизиана *законодатели тратили 90 секунд на каждую дюжину новоиспеченных законов.* На вопрос Вели, когда они обсуждали все эти меры, один из сенаторов ответил:

—Мы даже не читали их. Даже члены комиссии не имели возможности обсудить их.

Законодатели штата Техас не имели времени прочесть билль об ассигновании 2,200 млн. долл. на нужды 40 штатных департаментов. "Я не знаю, что в нем (законе) написано, — сказал г-ну Вели один из законодателей, — в нем 300 страниц."

В последние часы заседания легислатуры штата Мэссачузеттс делопроизводители верхней и нижней палат барабанили закон за законом со скоростью табачных аукционеров; законодатели мало уделяли внимания бормотанию писарей и законопроекты быстро превращались в законы; репортеры, наблюдавшие законодательную чехадку, не потрудились осведомить об этом читателй своих газет. Только позднее, когда Федерация Налогоплательщиков штата Мэссачузеттс проштудировала по стенограммам обильный законодательный урожай, было обнаружено, что *дополнением к бюджету создано 1,100 новых вакансий* для штатных чиновников и *повышено годовое жалованье другим чиновникам на 2 млн.* долларов. Законодатели оправдывались тем, что они *"не знали за что голосовали."*

Штатная конституция Колорадо препятствует расширению политических границ растущих городов, поэтому колорадские за-

конодатели в большинстве случаев представляют свой рогатый скот. По этой причине жители городов имеют в легислатуре гораздо меньше голосов, чем скотопромышленники, арендующие штатные земли по 8 сентов за акр в год и выращивающие на них стада рогатого скота, который приносит им огромные барыши.

Сколько же получают законодатели за свои "изнурительные труды"? В штате Нью Хемпшир — по 200 д. за сессию; в штате Нью Иорк и Иллиной — по 5,000 д. в год; в Коннектикут — 600 д. за два года; в штате Юта — 500 д. в год; в штатах: Теннесси — 4 д. в день, Роад Айланд — 5 д. и в 15 других штатах законодатели получают от 5 до 10 д. в день.

Подкупы всегда сопутствуют законодательству. По рассказам ветерана законодательной палаты штата Иллиной лоббисты (ходатаи) раздавали в туалетной комнате легислатуры 50-долларовые кредитки для того, чтобы члены ее провели желательный для их клиентов закон. Один из законодателей штата Небраска поведал, что "10% наших членов деньги примут." Во Флориде законодатели поведали г-ну Вели, что в классической борьбе между владельцами скаковых ипподромов предложения достигли 5,000 долларов за каждый голос законодателя. В штате Тексас во время борьбы за проведение закона о зафиксированных ценах *(узаконенная монополия)* голоса законодателей расценивались по 2,500 д. каждый. В штате Нью Иорк один из лоббистов раздал законодателям, занимавшим ключевые позиции в легислатуре, 150,000 д. за дополнение к закону о скачках: это выяснилось, когда один из владельцев ипподромов не выполнил обещания внести свою долю подкупа. Штатный сенатор в Нью Джерзи рассказал, как группа владельцев похоронных бюро обратилась к нему с просьбой набросать выгодный для них законопроект и предложила ему 5,000 д., если он пройдет в легислатуре.

Как в штатных легислатурах, так и в Конгрессе заседает не малое число адвокатов, которые продолжают заниматься адвокатурой. Они связаны с банками, торговыми и промышленными корпорациями, а также с интересами разнообразных групп общества, которые с одной стороны оказывают на них давление, а с другой — поощряют их денежными подарками. Подкупы законодателей столь многочислены, что некоторые легислатуры запрещают своим членам, заинтересованным в проведении того или иного закона, выгодного для них или их клиентов, принимать участие в голосовании при проведении этих законов. Но это лишь благородный и ничего не значущий жест: подкупленное законодательство идет своим чередом без всякой помехи.

Есть и другие пути к сердцам законодателей: например, поставить их на жалованье. Жокейский клуб штата Нью Хемпшир, заинтересованный в проведении выгодных штатных законов о скачках, нанял однажды 30 штатных законодателей, которые то продавали билеты, то наблюдали за порядком. За это они получали по 18 д. в день. Затем владельцы этого клуба продали наиболее влиятельным законодателям большое количество акций по 10 сентов за каждую. За три года каждая акция принесла законодателям по 32 д. 50 с. дивидендов, т. е. каждые 10 сентов принесли 32.500 процентов! Один из сенаторов легисларуты штата Нью Иорк писал представителю газово-электрической компании:

> "Надеюсь, моя работа в последнню сессию была удовлетворительной для вашей компании не столь много новым законодательством, но тем фактом, что многие вредные билли, внесенные в легислатуру, мы похоронили в моем комитете."

Коротко и ясно: гони монету!

Имеются также способы законодательного вымогательства: какой-либо законодатель вносит билль, грозящий ущемить материально намеченную жертву, и требует *выкупа.* Применяется еще способ ***прикарманивания*** общественных денег посредством "лу-лу": они выплачиваются законодателям, как проездные и канцелярские. Таким путем законодатели штата Нью Иорк в один год увеличили свое жалованье на 20 процентов. Одним словом, кручкотворчество законодателей безгранично.

Из всего этого видно, что законодательствующая верхушка американского мещанства совершенно беспринципна, аморальна и корыстолюбива. Капитализм разложил и развратил ее нравственно. Она является его содержанкой и в то же время бичем для опутанного и жестоко эксплуатируемого населения. Многочисленные законодательные собрания творят волю невидимых властителей Америки и одобряют предложенные меры тех или иных крупных интересов, борющихся за господство, привилегии или за монополию.

Стоит ли кричать о призрачной свободе и

АНАРХИЗМ И КАТОЛИЦИЗМ

На фоне американской действительности зародилось (время зарождения относится к годам депрессии) и уже успело до известной степени оформиться не совсем обычное социальное движение, заключающееся в том, что оно одним углом упирается в католицизм, а другим — в анархизм. Как можно сочетать анархизм и католицизм, — остается загадкой руководителей этого движения. Известны попытки — даже неоднократные — сочетать анархизм с религией или же с христианством, но до сих пор, кажется, еще никто не пытался связать анархизм с догматами церкви — католической, православной или какой-либо другой.

Движение это во многом напоминает "Армию Спасения." Как в "Армии Спасения," так и у католиков-анархистов (будем так их называть) в качестве вывески служит чашка супу, бесплатно отпускаемая голодному, а товаром, т. е. тем, что скрывается за вывеской, — проповедь на евангельские темы. Проповедь для "Армии Спасения," несомненно,—самое главное, суп же—лишь прикрытие. Можно предположить, что у католиков-анархистов как раз наоборот: самое главное — суп, т. е. желание накормить голодного, а проповедь — лишь приложение. Иначе говоря, для "Армии Спасения" на первом месте — спасение души, а для католиков-анархистов — спасение тела.

Есть у католиков-анархистов (некоторые из них, впрочем, предпочитают называть себя католиками-рабочими) кое-что и от Руссо—тяга "назад к природе." Кроме богадельни, находящейся в нескольких шагах от Бауэри в Нью Иорке, католики-анархисты располагают несколькими фармами в окрестностях города. (Одна из них находится на Стэйтен Айланде.) Выращиваемые на своих фармах овощи в значительной степени облегчают задачу выдачи бесплатных обедов. Однако основной фонд для приготовления ежедневных обедов создается путем сбора добровольных пожертвований.

Накормить голодного — что может быть прекраснее этого?! Кто бы этим ни занимался, он, кроме похвалы, ничего другого не заслуживает. Заслуживают похвалу католики-анархисты и своим подвижничеством, т. е. стремлением к морально-чистой жизни. Нельзя их также упрекнуть за их полнейшее пренебрежение богатством. ("Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут." Матф. 6:19). Но вопрос этим не исчерпывается. Ни помощь нуждающимся, ни морально-чистая жизнь, ни пренебрежение материальными благами — не могут быть основой для создания общественного идеала, который вытекает из борьбы с царящим злом. Католики-анархисты признают наличие зла, но они против него не восстают. Они занимаются врачеванием, перевязыванием ран, что, повторяем, весьма похвально, но оставляют в покое то, что вызывает эти раны. И в результате: не успеет одна рана зажить, — на теле жертвы появляется другая.

***

В основу своих толкований католики-анархисты кладут, как и следовало ожидать, Нагорную Проповедь. Так как последняя "принадлежит" всем христианам, а не одним лишь католикам, то и говорить приходится о христианстве вообще, а не исключительно о католицизме.

Нагорная проповедь, как известно, соткана из сентиментализма. Тут и антимилитаризм, и непротивление злу насилием, и любовь к ближнему, и милосердие, и не делай другому того, чего не желаешь себе, и кротость, и подставь другую щеку, и отрицание богатства, — словом, все, кроме одного, — борьбы со злом. (Отметим в скобках, что намеки на борьбу все же есть, но о них моралисты почему-то предпочитают молчать. Один пункт проповеди гласит: "блаженны ищущие правды," затем: "блаженны изгнанные за правду." Где есть искания правды и гонения за правду, — там неизбежно должна быть борьба.) Какой пункт Нагорной Проповеди ни взять, — не трудно придти к противоположным выводам, т. е. как раз не к тому, чему проповедь учит. К примеру: поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали. Это — венец морали. На этом построено, как ортодоксальное христианство, так и все виды сектанства, в том числе

независимости штатов? Их нет и не будет при господстве капитализма — частного или государственного. Нужно бороться не за привилегии, а за равенство в правах, за справедливость и свободу для всех, за подлинное братство народов, за вольную жизнь.

Марк Степной

АНАРХИЗМ И КАТОЛИЦИЗМ

На фоне американской действительности зародилось (время зарождения относится к годам депрессии) и уже успело до известной степени оформиться не совсем обычное социальное движение, заключающееся в том, что оно одним углом упирается в католицизм, а другим — в анархизм. Как можно сочетать анархизм и католицизм, — остается загадкой руководителей этого движения. Известны попытки — даже неоднократные — сочетать анархизм с религией или же с христианством, но до сих пор, кажется, еще никто не пытался связать анархизм с догматами церкви — католической, православной или какой-либо другой.

Движение это во многом напоминает "Армию Спасения." Как в "Армии Спасения," так и у католиков-анархистов (будем так их называть) в качестве вывески служит чашка супу, бесплатно отпускаемая голодному, а товаром, т. е. тем, что скрывается за вывеской, — проповедь на евангельские темы. Проповедь для "Армии Спасения," несомненно,—самое главное, суп же—лишь прикрытие. Можно предположить, что у католиков-анархистов как раз наоборот: самое главное — суп, т. е. желание накормить голодного, а проповедь — лишь приложение. Иначе говоря, для "Армии Спасения" на первом месте — спасение души, а для католиков-анархистов — спасение тела.

Есть у католиков-анархистов (некоторые из них, впрочем, предпочитают называть себя католиками-рабочими) кое-что и от Руссо—тяга "назад к природе." Кроме богадельни, находящейся в нескольких шагах от Бауэри в Нью Иорке, католики-анархисты располагают несколькими фармами в окрестностях города. (Одна из них находится на Стэйтен Айланде.) Выращиваемые на своих фармах овощи в значительной степени облегчают задачу выдачи бесплатных обедов. Однако основной фонд для приготовления ежедневных обедов создается путем сбора добровольных пожертвований.

Накормить голодного — что может быть прекраснее этого?! Кто бы этим ни занимался, он, кроме похвалы, ничего другого не заслуживает. Заслуживают похвалу католики-анархисты и своим подвижничеством, т. е. стремлением к морально-чистой жизни. Нельзя их также упрекнуть за их полнейшее пренебрежение богатством. ("Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут." Матф. 6:19). Но вопрос этим не исчерпывается. Ни помощь нуждающимся, ни морально-чистая жизнь, ни пренебрежение материальными благами — не могут быть основой для создания общественного идеала, который вытекает из борьбы с царящим злом. Католики-анархисты признают наличие зла, но они против него не восстают. Они занимаются врачеванием, перевязыванием ран, что, повторяем, весьма похвально, но оставляют в покое то, что вызывает эти раны. И в результате: не успеет одна рана зажить, — на теле жертвы появляется другая.

**
*

В основу своих толкований католики-анархисты кладут, как и следовало ожидать, Нагорную Проповедь. Так как последняя "принадлежит" всем христианам, а не одним лишь католикам, то и говорить приходится о христианстве вообще, а не исключительно о католицизме.

Нагорная проповедь, как известно, соткана из сентиментализма. Тут и антимилитаризм, и непротивление злу насилием, и любовь к ближнему, и милосердие, и не делай другому того, чего не желаешь себе, и кротость, и подставь другую щеку, и отрицание богатства, — словом, все, кроме одного, — борьбы со злом. (Отметим в скобках, что намеки на борьбу все же есть, но о них моралисты почему-то предпочитают молчать. Один пункт проповеди гласит: "блаженны ищущие правды," затем: "блаженны изгнанные за правду." Где есть искания правды и гонения за правду, — там неизбежно должна быть борьба.) Какой пункт Нагорной Проповеди ни взять, — не трудно придти к противоположным выводам, т. е. как раз не к тому, чему проповедь учит. К примеру: поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали. Это — венец морали. На этом построено, как ортодоксальное христианство, так и все виды сектанства, в том числе

независимости штатов? Их нет и не будет при господстве капитализма — частного или государственного. Нужно бороться не за привилегии, а за равенство в правах, за справедливость и свободу для всех, за подлинное братство народов, за вольную жизнь.

Марк Степной

и толстовство. Но очевидно, что "поступай так, как хочешь, чтобы с тобой поступали" касается только моих отношений со вторым лицом. Я должен поступать со вторым лицом хорошо, так как хочу, чтобы это лицо поступало со мной тоже хорошо. И если со мной поступают хорошо, то этим самым соблюдается — с моей точки зрения — Нагорная Проповедь. Но что, если второе лицо поступит плохо не со мной, а с третьим лицом? Как мне тогда быть? Предположим, я иду дорогой, вдруг неизвестный мне человек нападает на другого неизвестного мне человека и начинает его избивать. Что я должен в этом случае делать? Передо мною совершается несправедливость, моя совесть говорит мне, что я должен что-то предпринять, чтобы эту несправедливость пресечь, но на основании Нагорной Проповеди я вынужден сохранить нейтралитет, ибо лично мне никто тут ничего плохого не делает. Не переходит ли при этом моральная заповедь в антимораль? Может случиться, что пострадавшим окажется невинная девушка. Негодяй будет над ней издеваться, но я, блюдя вышеприведенное правило и памятуя, что злу нельзя сопротивляться насилием, должен буду на все это закрывать глаза. Я могу, конечно, пустить в ход слова, могу пристыдить насильника, хотя слова тоже можно рассматривать, как насилие, но что если он на мои слова не обратит внимания? Обыкновенная мораль требует, чтобы я схватил насильника за шиворот и указал ему его надлежащее место, но мораль Нагорной Проповеди гласит: нет, не трогай, тебя никто не трогает и ты никого не трогай. Поступай так, как с тобой поступают...

То же самое получается с правилом о любви к ближнему. Моим ближним в вышеприведенном случае одинаково является и тот, кто насилует, и тот, кого насилуют. Обоих я должен одинаково любить — и совершающего зло, и страдающего от зла. Нет, Нагорная Проповедь не образец морали. Это — попустительство злу. Ее можно считать прекрасным средством для личного успокоения, для спасения души, но общественным идеалом она быть не может.

Нельзя также забывать, что в этой проповеди есть такие утверждения, как "блаженны плачущие," "блаженны голодные," "блаженны нищие духом" (явные прототипы ищущим правду). Что это было бы за анархическое общество, если бы все люди превратились в плачущих и нищих духом? Католики-анархисты могут заметить, что все блаженства, о которых идет речь в Нагорной Проповеди, относятся не к земной, а к загробной жизни. Плачущие на земле — будут смеяться на небесах. Предположим, что это так. Допустим, что все пережитые страдания и невзгоды на земле будут покрыты сторицею после смерти. Тогда зачем же толковать о какой-то справедливости на земле? Ведь если воцарится справедливость — всем станет хорошо. А если всем станет хорошо — люди перестанут плакать. Кто же тогда унаследует царство небесное? Не думают ли католики-анархисты, что они, оказывая помощь нуждающимся, тем самым противоречат Нагорной Проповеди? Зачем, в самом деле, давать пищу голодному? Умрет?.. Тем лучше... Ведь смерть с точки зрения христианства — переход от земной жизни в жизнь небесную. Разве плохо оставить юдоль печали и переселиться под райские кущи? Не препятствуют ли бесплатные обеды достижению этого блаженства?

Вообще, если стать всецело на точку зрения религии, то все наши понятия о морали и нравственности окажутся опрокинутыми вверх дном. Главная суть христианства, как известно, заключается в том, что оно обещает загробную жизнь. Без загробной жизни христианство, как замечает Вл. Соловьев, утратило бы всякую ценность. Вера в загробную жизнь неизбежно приведет к тому, что мы вынуждены будем оправдать одно из величайших преступлений—убийство. (Православная церковь уже давно это оправдала, считая людей, погибших на войне, святыми.) В самом деле, почему люди протестуют против убийства? Потому что убийство — превращение живого человека в мертвого. Но если есть загробная жизнь, то разве можно превратить человека в мертвеца? Конечно, нет. Убийство с этой точки зрения есть не что иное, как, говоря языком государственников, депортация из одного царства в другое, при том, из царства худшего в царство лучшее. И палач в таком случае должен представляться не извергом, а благодетелем. И получается, что общепризнанное зло переходит в добро.

Еще парадокс, которого нельзя обойти молчанием. Из священного писания мы знаем, что райскую жизнь унаследуют только те, кто живет по заветам Христа. Христиан на земле гораздо меньше, чем не-христиан. Азия, Африка, тихо-океанские острова, а также многие отдаленные северные области не входят в пределы христианства. Стало быть, ни китайцы, ни японцы, ни индусы, ни

евреи, ни турки, ни темнокожие африканцы, за исключением эфиопов, ни эскимосы, ни многие другие не попадут в рай. Подавляющее большинство населения окажется в аду. Разве не жестокость — обречь колоссальное большинство людей на бесконечные страдания? Еще понятно, если в аду окажется христианин, не живший по заповедям Христа, но за что должен страдать какой-нибудь бедный эскимос или зулус, понятия не имевшие ни о Христе, ни о христианстве? В чем их вина? В чем вина буддиста, усердно поклонявшегося своему Будде? В том, что он поклонялся не настоящему Богу? Но откуда он мог знать, что Будда не настоящий Бог? Он его считал за Бога настоящего и чистосердечно ему молился. Виной может быть лишь то, что он заблуждался (да и то по вине других, так его научивших), но за заблуждение нигде сурово не наказывают. Только религия способна на это.

Это, конечно, относится не только к христианству, но ко всякой религии. Каждая религия твердит, что только она — путь ко спасению, а все другие религии — заблуждение. В раю, после страшного суда, как видно, будет очень малолюдно, а в аду — слишком многолюдно. Разве это не жестокость? Разве не следует отсюда, что человечество нуждается в иной религии, — в такой, которая несла бы спасение всем людям — и не после смерти, а при жизни? Царство божие, как об этом говорил Толстой, должно быть на земле, а не на небе.

* * *

Одним из наиболее известных представителей католического анархизма является Аммон Хеннаси. Об этом американце ирландского происхождения следовало бы сказать несколько подробнее, и мы надеемся когда-нибудь это сделать,—когда будем разбирать его недавно вышедшую из печати автобиографию, — сейчас же лишь отметим, что анархизм Хеннаси выражается, главным образом, в отказе от платежа федеральных налогов. Достигает этого Хеннаси, впрочем, не прямым отказом, а уменьем обходить налоговые законы, нанимаясь поденщиком.

Хеннаси, однако, этим не ограничивался. Каждый год в марте месяце (срок уплаты налогов) он пикетировал финансовое ведомство, раздавая прохожим листовки, в которых объяснял, почему он не платит налогов. В августе месяце — тоже каждый год после войны — он пикетировал военное ведомство по случаю годовщины разрушения атомной бомбой Хирошимы. Последний свой акт Хеннаси, впрочем, уже связывал с религией: не только пикетировал, но вместе с тем постился и молился. От этого своеобразного выражения протеста Хеннаси не отказался и до сих пор.

* * *

Какие же выводы и заключения из всего вышесказанного? Если смотреть на анархо-католическое движение исключительно с практической точки зрения, то ничего предосудительного тут не окажется. Накормить голодного, дать ему приют, одеть его — поступок в высшей степени похвальный. Похвально также стимулирование переселения в деревню (децентрализация). Не может вызвать возражений и агитация против войны, а также отказ от погони за наживой. Все это весьма хорошо и достойно. Но если предположить, что главной целью анархо-католического движения является своеобразная реабилитация католицизма перед общественным мнением, то тут на первое место, безусловно, должна выступить самая строгая критика. Но, критикуя анархо-католицизм, нельзя забывать, что высшая ступень, на которую только может подняться человек, — *терпимость*. Человек, если только он хочет остаться человеком, должен относиться терпеливо к инакомыслящим, ибо каждый имеет полное право думать так, как ему кажется лучше. Даже на заблуждение имеет полное право каждый человек, при условии, конечно, что его заблуждение не будет вредить другим. С этой точки зрения было бы в высшей степени несправедливо налагать "табу" на все то, с чем мы не согласны. Мы можем говорить о своем несогласии... и это, пожалуй, все, что мы должны делать в подобных случаях.

Нет, повидимому, полной согласованности и среди католиков-анархистов. Одни из них больше тянут в сторону католицизма, другие — в сторону анархизма. Примыкают к этому движению также лица, не имеющие никакого отношения к католицизму. Весьма деятельное участие, напр., принимает дочь бывшего русского посла во Франции—Елена Извольская. В некоторой связи с этим движением находится и часть русского православного духовенства в лице епископа Иоанна Сан-Францисского и свящ. А. Шмемана. Соприкасаются и духоборцы, — если не все, то часть, известная под названием Сынов Свободы.

Все это лишь усиливает потребность в

хладнокровном, беспристрастном отношении к этому движению. Его нужно *понимать,* что, однако, не означает, что его нужно *принимать. Понимать* мы должны всё, а принимать далеко не всё.

Как широкое море вмещает в себе воды всех рек и ручейков, так и учение анархизма слагается из разносторонних мнений. Анархисты-католики еще не вышли на ровный путь (да и выйдут-ли?) Они идут не по дороге, а возле дороги, попадая в овраги и канавы, но они идут параллельно с нами. Их цель (по крайней мере, пока речь идет о жизни на земле) — бесклассовое общество, братское сожительство людей, т. е. наша общая цель, хотя средства для осуществления этой цели — разные. Мы полагаем, что человек ничего не достигнет молитвою, они же думают как раз наборот и при всяком удобном случае молятся. Мы считаем, что самозащита — естественный закон природы, по их же понятиям выходит, что если бьют по одной щеке, то немедленно нужно подставлять другую. Мы видим, что заботливый землероб уничтожает сорную растительность на полях, и думаем, что "сорняки" нужно уничтожать и на социальной ниве, они же полагают, что плевелы следует оставить в покое, авось, они превратятся в пшеницу. Словом, средства наши далеко расходятся, но наши пожелания во многом сходятся.

***

Анархо-католицизм уже вызвал много толков на страницах анархической печати на английском языке. Одни полагают, что анархисты-атеисты не проявляют в достаточной мере своих альтруистических чувств на практике, т. е. не открывают столовых и не корммят голодных. Другие находят, что анархо-католицизм — результат декаденства, переживаемого анархическим мировоззрением. Доля правды в этих суждениях, возможно, есть, но можно допустить еще одно предположение, а именно: не уходят ли корни анархо-католицизма в Ватикан? После того, что мы читали о священниках-рарабочих во Франции, вполне можно допустить, что анархо-католическое движение (официально оно называется католическо-рабочие движение) дирижируется и, по всей вероятности, финансируется из Ватикана. Без финансовой поддержки свыше едва ли мыслимо было бы содержание богадельни и нескольких фарм. Поэтому мы прочнее должны укрепиться на позиции понимания, а не принятия этого движения. *К.*

МИХАИЛ БАКУНИН

(Психологический портрет)

I

В наши дни разгула страстей, властолюбия великих и малых властолюбцев, разгула, который вписывает кровавую главу в историю, которая будет озаглавлена: "Борьба за власть," — в нашей памяти воскресает духовный облик великого пионера-борца за Безвластие-Анархию, Михаила Бакунина. Встает теперь перед нами образ всемирного апостола разрушения, умершего одиноко-забытым и которого даже в гробу преследовали клеветнические интриги его политиканствующих идейных противников. В особенности в наше время, когда все лучшее, благородное растоптано торжествующим Хамом, нам мил, близок и дорог Михаил Бакунин, весь сотканный из элементов рыцарства и благородства. Бакунина боялись, преследовали и ненавидели мещанство и мещанские социалисты, потому что в его личности, индивидуальности они видели лабораторию железной воли, той всемогущей революционной воли, которая может аннулировать все "железные" законы исторической необходимости. И в Бакунине они видели или скорее чуяли будущее безгосударственное общежитие. Ибо если каждая человеческая личность представляет собою целый мир, то в личности Бакунина был заложен будущий безвластный мир. Бакунин был для всего старого мира символом анархической революции и анархического мира.

Лучшим ответом на все кляузные обвинения Бакунина его врагами служит письмо великого русского писателя и критика Белинского. "Ты, — пишет ему Белинский, — благородный человек, благородный не только в гражданском смысле этого слова, но и в этимологическом." В приведенных мною словах Неистового Виссариона, как прозвали Белинского, отмечена характерная доминирующая черта духовной структуры Бакунина: благородство его характера. Но хотя эта черта и является доминирующей, проникающей всё его существо и жизнь и определяющей все его поступки, но ею одной не может быть исчерпана вся характеристика Бакунина, этой богатейшей, оригинальной, утонченной и разносторонней натуры.

Бакунин, как великий мыслитель, опере-

дивший своих современников, еще не понят даже и нашими современными поколениями. Кумушки из либерально-социалистического лагеря рисовали его бесшабашным мечтателем-фантазером, беспочвенным нигилистом-отрицателем. Не раз публицисты из "Русской Мысли" и солидно-профессорского "Вестника Европы" давали подробную характеристику великого анархиста. Тургеневский Рудин — вот портрет Бакунина по их мнению. Другие находят в нем только черты Тургеневского Базарова; третьи видят в нем Гончаровского Обломова. Четвертые, наконец, считают его крестным отцом демонического Нечаева, возводившего в догму иезуитское: "цель оправдывает средства," послужившего прототипом центральной фигуры "Бесов" Достоевского.

II

"Где они речи эти слышат, с кого портреты эти пишут?" спрошу я словами поэта у всех этих биографов Бакунина. Их портреты или вернее их карикатуры передают нам в уродливом виде его грандиозную, мощную фигуру. От этой исторической фигуры, которая уже несколько десятков лет тому назад ушла со сцены жизни, еще и теперь в наши дни веет тем героическим романтизмом, который свойственен лучшей русской революционной интеллигенции. Я подчеркиваю: даже в наши дни, ибо, не смотря на то, что мы живем чуть ли не в периоде "социальной революции," так мало этого драгоценного революционного романтизма и так много "реальной политики," политики золотой середины. Для меня не важно, на какую полочку-категорию экономической структуры поместить этот романтизм революционной интеллигенции. Потому что не экономика была источником-родником этого романтизма, а болезненная чуткая совесть, которая болеет за всё зло, все страдания и всю неправду мира. И Бакунин — это воплощение болезненной совести русской революционной интеллигенции. У него эта болезнь совести была гипертрофической; вот почему и гипертрофическим был его революционный романтизм. Его романтизм не детская болезнь, не капризная прихоть либерального барича, а органическая — стихийная его природа. Вот почему его романтизм не замораживается средой, не атрофируется возрастом. Бакунин вечно-молодой и всегда иманентен его молодой, юношеский романтизм.

III

Если среди революционной молодежи бывают и так называемые "белые вороны," которые и в двадцать лет не отказываются от увлечений молодости, то к Бакунину навряд ли применим этот эпитет. Бакунин, я бы сказал, не белая ворона, а могучий орел, который царит высоко, высоко над современностью, средой, классом и возрастом, над всем тем, что обуславливает и влияет на волю, характер и мысль. И в этом вся сила и обаяние Бакунина; в том, что его жизнь была перманентным бунтом не только на баррикадах, но и бунтом воли против детерменизма, за автономию духа против диктатуры механической причины. Вся жизнь Бакунина — это трагический, мучительный процесс самоосвобождения духа от всех оков наследственности и атавизма.

И самоосвобождаясь, Бакунин борется за освобождение мира и прежде всего за освобождение духовное, за эмансипацию воли, за автономию мышления. Вот почему я выразился в начале своей статьи, что Бакунин был прообраз анархической общественности, так как в нем были заложены возможности такой общественности: свобода воли, автономия мышления и благородство характера. Бакунин своей борьбой, своей жизнью, реализуя сам для себя анархический идеал, доказал его возможность и осуществимость.

Размеры моей настоящей статьи не позволяют мне детально остановиться на жизни, деятельности и мировоззрения Бакунина, которые вытекают из глубин его духовного мира. И к Бакунину нужно подойти прежде всего с анализом психологическим, потому что сам Бакунин это целая сложная психологическая проблема: будучи отпрыском дворянской олигархии, он стал Пророком Анархии, который обошел всю Европу, бросая всюду молнии восстания, для которого отечество было там, где пахло бунтом, которого приговаривает к смерти несколько европейских правительств и за голову которого торгуются между собою несколько государств. И когда перед нами ярко и рельефно выступит лик Бакунина, то мы поймем его деятельность и мировоззрение.

Н. Дриккер

Товарищи, издание журнала "ДТП" зависит всецело от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой распространять журнал и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

ЛИБЕРТАРНАЯ ЛИГА В НЬЮ ИОРКЕ

Основные Предпосылки

Живем мы в период глубокого кризиса, охватившего всё человечество. Между двумя лагерами идет ожесточенная борьба за господство над миром. Ни один из конкурирующих лагерей не отражает подлинных интересов и благожеланий человечества. Россия и ее сателлиты—тоталитарные государства. Там установлена самая тираническая форма эксплуатации. Правительства этих стран своими захватническими стремлениями и ложной пропагандой в защиту рабочих создают угрозу всем свободным проявлениям на нашей планете.

Несмотря на то, что в США и некоторых союзных им странах сохранились еще коекакие виды политической демократии, но уклон в сторону тоталитаризма, как результат всё большего и большего вмешательства государства в частные дела, проявляется всё яснее в этих странах. В борьбе за мировое господство страны эти и до сих пор не отрешились от насаждения полуфашизма и колониализма, что в конечном счете ведет к возмущению и революционным вспышкам среди туземцев.

Либертарная Лига на основании трезвого и вдумчивого анализа полагает, что правильное разрешение мировых проблем и выход истерзанного эксплуатацией и войной человечества на верный путь заключается в установлении свободного, безклассового, антитоталитарного строя. Мы верим в природные положительные качества людей и в возможность самосохранения путем поднятия человечества на высшую ступень морали и сознательности.

Федерализм и Либертарное Общество

Мы не можем и не желаем создавать точный план Либертарного Общества, но опыты прошлого сами ставят некоторые вехи на пути социального развития. На основании прошлого нетрудно учесть, что должно быть сделано и как избежать некоторых роковых ошибок.

Мы признаем абсолютное право каждой личности на проявление полной свободы во всех областях жизни с тем условием, что бы это проявление не нарушало такую же полную свободу других личностей. Мы полагаем, что основой нового общества должен быть свободный социализм и братские отношения. "Свобода" без социализма ведет к привилегиям и несправедливости, а "социализм" без свободы ведет к тоталитарному рабству.

Национализм, расовые деления и другие социальные предрассудки должны быть заменены народной солидарностью и всемирным братством.

Обветшалая, фарисейская и в большинстве случаев антисоциальная церковная мораль должна уступить место основам разумной человеческой этики.

Государство должно исчезнуть. На смену ему возникнет международная федерация, состоящая из свободных коммун, рабочих союзов и кооперативов, действующих в согласии с принципами взаимопомощи и свободного договора.

В основе экономики нового общества будет лежать принцип управления вещами вместо нынешнего управления людьми. Производство будет базироваться на пользе и потребности, а не на прибыли. Будет производиться в первую очередь то, в чем ощущается наибольший недостаток. Учет спроса-предложения наладится путем непосредственных сношений местных организаций. Каждая личность получит от общества максимум благ, допускаемых условиями, взамен чего она даст обществу максимум своих способностей. Восторжествует принцип: от каждого по способности и каждому в соответствии с конкретными возможностями.

Централизация отойдет в область преданий. Она будет заменена координационными действиями, идущими снизу вверх. Централизация убивает всякую деятельность, идущую из окраин, федерализм же раскрепощает эту деятельность. Централизация — оковы, а федерализм — свобода.

Революция и Государство

Либертарная Лига не намерена пользоваться старым социально-политическим штампом. Она будет искать новые пути посредством изучения прежних социальных движений. Все важное и ценное в них будет принято во внимание, а ветхое и не нужное отброшено. Вот несколько уроков из прошлого.

Государство по своей природе есть способ порабощения, поэтому оно никоим образом

не может быть использовано в целях общественного прогресса. После революции в России некоторым казалось, что государство оставлено там лишь на время, до завершения срока переходного периода. Надежды эти не оправдались. Государство в России не только не исчезло, но беспредельно усилилось.

Парламентаризм и система выборов, существующая в демократических странах, служит главным образом для того, чтобы отвлечь внимание трудящихся от их основной цели — классовой борьбы.

Роковая ошибка была допущена в Испанской революции: испанские революционеры согласились на совместные действия с фактически контр-революционными силами. Выступление вместе с республиканцами и сталинистами и вхождение в состав правительства привело к ликвидации революционных комитетов и отрыву от народных масс. Это погубило революцию и открыло путь фашизму.

Русская революция, вследствие крайней централизации и однопартийного контроля, вылилась в сверх-государство, базирующееся на экономическом, культурном и моральном порабощении населения. Централизация — враг революции.

Цели Организации

Либертарная Лига, объединяясь идейно, ставит своей целью выяснить причины и отыскать пути, ведущие к будущему свободному обществу. Чтобы ускорить приближение конечной цели. Либертарная Лига считает целесообразным вести пропаганду не только словом, но и примером. Необходимо давать отпор всякому деспотизму, в особенности деспотизму, скрывающемуся под маской защитников рабочих. Вместе с тем мы должны всегда помогать в борьбе против эксплуатации, способствовать улучшению быта рабочих и стремиться к тому, чтобы рабочие организации не подпадали под контроль политиканов или представителей государства. Ведь из этих организаций должно в конце концов вырасти будущее либертарное общество.

Либертарная Лига не отказывается от принятия участия в совместных действиях со всеми антитоталитарными организациями, если эти действия преследуют благую цель и если Лига имеет при этом возможность изложить свою собственную точку зрения.

Участие в либертарном движении должно быть во всех отношениях добровольным. Однако участники должны четко сознавать всю ответственность, которую они берут на себя, вступая в движение. Личные интересы и вкусы, хотя они и важны, не должны господствовать над общими интересами. Процветание организации и успех всего движения должны быть главной целью каждого участника Либертарной Лиги.

Решению спорных вопросов должна предшествовать свободная и всесторонняя дискуссия. Мнение большинства должно считаться мнением Лиги. Это не лишает однако права меньшинства излагать свою точку зрения. Но во всех таких случаях меньшинство должно подчеркивать, что излагаемая их точка зрения — их личная, а не всей Лиги.

Нет сомнения, что в США найдется несколько тысяч личностей, придерживающихся либертарного взгляда, но либертарное движение, как организация, к сожалению, отсутствует в этой стране. Причиной этого следует считать недостаточно активную деятельность прежних либертарных группировок, а также недооценку важности организации среди некоторых нынешних сторонников либертаризма. Создание Либертарной Лиги — попытка наверстать этот пробел. Лига должна стать той ареной, на которой каждый индивидуум сможет проявить свою деятельность с надеждой и рассчетом, что плоды этой деятельности упадут на общую чашу весов.

Наша обязанность, а также обязанность всех наших единомышленников — заложить фундамент либертарного движения, но сделать это мы должны по возможности проще и яснее. В широком объединении всех свободомыслящих людей мы давно нуждаемся. Подадим же друг другу руку, проникнемся чувством братской солидарности и пойдем навстречу грядущей свободе! Вперед!..

"Существуют три формы ростовщничества: процент с денег, наем и аренда и прибыль при обмене товаров. Кто получает один из этих доходов—уже ростовщик. А пользуются этими доходами все: банкир, фабрикант, купец, маленький домовладелец. Богатеют однако только ростовщики, крупные помещики и банкиры. Они поглощают прибавочную стоимость."—*Б. Тукер.*

ДЕПОРТАЦИЯ ФЕРНАНДЕЦА

Утром 6 апреля с. г. Франциско Фернандец, матрос, дезертировавший 9 лет тому назад из флота фашистского диктатора Испании Франко, был отправлен на итальянский пароход "Вулкания," заходящий по пути в Барселону, где и будет передан в руки фашистов на расправу. Перед посадкой на корабль сопровождевшие Фернандеца два агента министерства юстиции привели его в редакцию религиозно-анархической газеты на английском языке "Католик Воркер," где его единомышленники—католики-анархисты снабдили его одеждой и обувью.

Несколько последних дней Фернандец провел в федеральной тюрьме вместе с другими 200-300 заключенными — политическими и уголовными, одинаково третируемыми. По словам Дороти Дэй тюрьма держится в чистоте, пища хорошая, надзиратели не своевольничают; имеется радио, телевизор и кино, но имеются также железные решетки на окнах и замки на дверях. При посещении заключенного вы видите его через стекло и говорите с ним по наушному телефону. Странно: вы сидите близко к человеку, смотрите ему в глаза, видите двигающиеся его губы, но голос его слышите только через наушники.

Франциско Фернандец очутился в тюрьме лишь потому, что он верит в свободу и за свободу готов положить свою жизнь, чтобы всколыхнуть совесть человечества, как бы примирившегося с потерей свободы. Ведь до Первой мировой войны в Америке не было таких вещей, как паспорта, визы и множества других барьеров для иммиграции. Теперь каждый зарегистрован и занумерован: печально и жалко смотреть на человека, вертящего в руках бумажки, чтобы доказать свое существование, право на работу, на питание...

Акт Фернандеца, отказавшегося от послушания властям и за это высланного в фашистскую Испанию на расправу Франко, является протестом против государства. В наши дни тоталитарного государства, когда мы пережили Гитлера, Муссолини, Сталина и им подобных диктаторов, мы понимаем, что еслибы было больше Фернандецов, не боющихся тюрем и расстрелов, мир не был бы таким, каким он стал сегодня. Приводим ниже в сокращении письмо Фернандеца, написанное им редактору "Католик Воркер":

Я чувствую необходимость написать вам несколько строк о моем сегодняшнем контакте с иммиграционными властями. Только тогда, когда мы приходим в соприкосновение с государством, мы понимаем все зло, какое оно представляет. Ожидая нового допроса иммиграционного инспектора, я опять понял зло иммиграционных законов: человек унижает своего брата, говоря ему: "Это моя земля. Я не позволю тебе остаться здесь." Кто дал ему это право? По своему невежеству они верят, что имеют такое право. "Прости им, отче, ибо они не ведают, что творят."

Около 30 человек ожидало в прихожей вызова на допрос. Их глаза полны страха за то, что сделает человек человеку, что решит иммиграционный инспектор, представляющий государство, ибо от его решения зависит судьба иммигранта. Эти люди в прихожей боятся государства. Неприятно видеть унижение, которое человек накладывает на своего брата.

Спустя 40 минут, меня позвали к иммиграционному инспектору, который спросил:

—Почему вы не желаете возвратиться в Испанию? Вы—пацифист?

—Да, я также против правительств.

—Вы не верите даже этому правительству?

—Нет,—ответил Фернандец.

—Вы не верите в правительство посредством народа и для народа?

—Такой вещи не существует: 160 миллионами американцев управляет малая группа людей в Вашингтоне. Народом Испании управляет кучка людей в Мадриде, а народом России управляет такая же кучка людей, сидящих в Москве.

—Вы имеете право на ваши убеждения, но скоро вы узнаете, что вы обязаны повиноваться законам здравого смысла.

—Я не должен повиноваться этим законам. Имея физическую силу, вы учиняете насилие надо мной, но вы не имеете никакого повеления от Бога. Дана ли вам от Бога власть сказать мне или любому другому человеку: "Ты не можешь жить здесь, а должен идти туда-то."

—Другими словами, вы думаете об идеальном обществе века Адама и Евы, но мы очень далеки от него.

—Правильно, мы далеки от него, п. ч. живем в очень распущенном обществе. Но я не буду сидеть сложа руки и ожидать прихода с неба идеального общества. Я говорю вам, что так жить несправедливо, и я не пойду вместе с вами, представителем государства.

—Но ведь вы знаете, что куда бы вы ни пошли, —вас ожидают неприятности, т. к. законы и правиельства существуют везде.

—Я знаю, что я стою один и ничего не могу сделать против вашей силы. Но я верю, что правительство, состоящее из людей, есть зло и я не буду склонять голову от страха, что меня бросят в тюрьму или убьют.

Инспектор роется в бумагах и спрашивает:

—Почему вы не желаете подписать обязательство № 5, что каждые три месяца вы будете письменно сообщать нам свой адрес?

—Потому что, принимая добровольно это условие, я признаю этим вашу власть надо мною, во что я не верю...

ПАМЯТИ В. Н. ЧЕРКЕЗОВА*

Варлаам Черкезов происходил из старинной дворянской семьи Грузии. Он рано познакомился с революционным движением, когда зеленым юношей прибыл в Москву и там учился в гимназии. Юный гимназист жил на квартире вместе с русскими студентами и через них ознакомился с вопросами социализма и приобщился к революционному движению. В то время на юношество оказывали огромное влияние "землевольцы." Вместе с другими друзьями В. Н. Черкезов принадлежал к революционному кружку "Земля и Воля."

После Польского восстания в 1863 году внутренняя политика Александра II переменилась: показной либерализм превратился в реакцию. Вследствие такой перемены в кругах социалистической молодежи окрепла уверенность в необходимость насильственного воздействия на власть придержащих, когда стало ясно, что вера в реформы — только иллюзия.

Из кружков московского студенчества выделилась группа, которая решила повести борьбу с царизмом насильственными средствами. Черкезов вступил в кружок Каракозова, который в 1866 году покушался на убийство Александра II. По делу Каракозова Черкезов был осужден к 8-месячному заключению. В приговоре верховного уголовного суда, опубликованном 3 октября 1866 г. в "С-Петербургских Сенатских Ведомостях," преступление его формулировалось так:

> "Князь Варлаам Джан Асланов-Черкезов, 20 лет, обвиняется в недонесении об известном ему публичном распространении в школе учения, клонящегося к возбуждению неповиновения верховной власти, в знании о существовании тайного общества, имевшего целью ниспровержение установленого законами образа и порядка правления, и недоведении о том до сведения правительства."

После дела Каракозова реакция повсюду усилилась. Все чиновники, заподозренные в либерализме, были заменены реакционерами. Журнал "Современник," существовавший даже при мрачном режиме Николая I, было приказано закрыть. Особенно протестовали студенты против правительства, которое своими придирками мешало их распорядку жизни. Они требовали права иметь кассу взаимопомощи для бедных студентов, в стенах школы обсуждать свои студентеческие нужды и требовали отмены мелких полицейских нажимов. Революционеры, к которым принадлежал Черкезов, стремились направить это студенческое движение в политическое русло с целью обезвредить суровый произвол власти. Среди них особенно выделился прямой родоначальник Ленина — Нечаев, для которого Черкезов, находившийся тогда в Петербурге, достал фальшивый паспорт и организовал его вторичный побег заграницу. Вскоре после этого Черкезов сам был арестован в том же 1869 году и находился в тюрьме до конца процесса 1871 года. Стенографическая справка этого процесса гласила:

> "Князь Варлаам Джан Асланов-Черкезов, признавая себя виновным в принадлежности к тайному обществу, объяснил, что участие его в действиях общества состояло главнейшим образом в том, что он доставлял членам, и в особенности организатору общества Нечаеву, денежные средства, способствовал Нечаеву уехать заграницу, во время начавшихся уже арестов, после обнаружения существования означенного общества, склонял к поступлению в общество разных лиц и распространял имевшиеся у него прокламации."

По приговору суда Черкезов был сослан в Томскую губернию. Но в январе 1876 года он бежал из Сибири заграницу, где для него началось трудное, голодное скитание по западной Европе. Сначала он провел короткое время в Лондоне, затем переселился в Швейцарию, где он познакомился с Кропоткиным, Гильомом, Кафиеро, Малатеста и мног. другими анархистами. В конце 70-х годов Черкезов подружился с Кропоткиным и стал анархистом. На конгрессе Юрской Федерации в 1880 году Черкезов примкнул к тем, которые защищали коммунистический анархизм против коллективизма.

Во время своего пребывания в Женеве Черкезов предпринимал длительные путешествия во Францию, где он воодушевлял анархическое движение. Уличенный в политическом деле в 1882 году в Лионе, он принужден был оставить Францию.

С 1883 г. до конца 1891 г. Черкезов проживал в Румынии, Константинополе и в Малой Азии, откуда он по чужому паспорту несколько раз пробирался в родную Грузию, которую горячо любил. В январе 1892 г. он опять вернулся в западную Европу и посе-

*) К 30-летию со дня смерти.

лился в Лондоне, где он прожил свыше 30 лет.

Среди эмигрантов из России Черкезов был известнейшей личностью и долгое время занимался пропагандой анархизма. Как писатель, Черкезов работал главным образом в "Тан Нуво," "Фридом" и "Хлеб и Воля," из которых его статьи переводились анархической прессой всех стран.

Обе серии статей Черкезова: "Предтечи Интернационала" и "Страницы Истории Социализма," из которых печатались лишь отдельные статьи в старом журнале "Социалист" и в "Новой Жизни," впоследствии были изданы отдельными книгами и переведены на разные языки, в том числе и на русский. Благодаря трудам Черкезова, было доказано, что многие идеи, которые до настоящего времени принимаются за основы марксизма, как теория прибавочной стоимости, концентрации капитала, материалистическое понимание истории, учение о классовой борьбе, были известны задолго до Маркса социалистам Франции и Германии. Черкезов доказал также, что Маркс и Энгельс при составлении своей теории использовали многих социалистических авторов, в том числе Консидерана, Прудона, Томсона и других.

Его обоснованные выводы создали ему много врагов среди "корифеев" марксизма, как Плеханов, Каутский и другие, но Черкезов был удовлетворен тем, что известный итальянский марксист Е. Лабриола откровенно сообщил ему, что он, после прочтения трудов Виктора Консидерана "Принципы социализма" и "Манифест демократии XIX века," пришел к убеждению, что Маркс и Энгельс в своем знаменитом Коммунистическом Манифесте не сказали ни одной мысли, которую не высказал бы раньше Консидеран.

Когда в 1905 году в России началась революция, Черкезов решил возвратиться на родину, но победоносная реакция положила конец всем его надеждам.

Вскоре после начала Русской Революции 1917 года В. Н. Черкезов уехал на Кавказ, где принимал видное участие в национальной жизни родной Грузии, но с приходом большевиков вынужден был снова бежать в Лондон, который сделался его второй родиной, откуда он не выезжал уже до самой смерти, последовавшей 18 августа 1925 года.

В. Н. Черкезов обладал честным характером и был необыкновенно добрым человеком. У него была замечательная память и он представлял собою живую летопись русской общественности, начиная с середины 60-х годов. Когда надо было справиться о статье в "Современнике," о революционной группе и т. д., стоило обратиться только к Черкезову. Он мог бы рассказать много интересного и неизвестного из истории русского общества, но, к глубокому сожалению, он не написал своих воспоминаний. Бурная жизнь Черкезова, полная лишений, страданий и самопожертвования, кончилась в изгнании, на чужбине, далеко от родной Грузии, а изгнавшие его большевики продолжают творить все то же подлое дело диктатурщиков — эксплуатации, угнетения и растления народных масс России. *Г.*

МОЕ ЗНАКОМСТВО С АТАБЕКИАНОМ

В бытность мою студентом Женевского университета в 1895 году я часто захаживал в Русский Клуб, который был одним из оживленных центров просветительной деятельности русской эмиграции и студенчиства. В этом клубе читали лекции представители марксизма (Г. В. Плеханов), народничества, анархистов и других течений общественной мысли. Плеханов только что выпустил книгу под названием "К монистическому взгляду на историю," в которой проповедывал материализм. Представитель народничества — Добровольский защищал от нападок марксистов русскую общину и артель. Двое других лекторов, грузинский князь Черкезов и студент медицинского факультета Александр Атабекиан, знакомили аудиторию со взглядами М. А. Бакунина, П. А. Кропоткина и знаменитого французского географа-анархиста Э. Реклю.

Во время прений я позволил себе не согласится с некоторыми взглядами анархистов, которые впоследствии отошли в область истории. Анархисты давно уже не рекомендуют и не занимаются аттентатами, которыми теперь занимаются иногда представители других партий. А. Атабекиан знакомил специально со взглядами Петра Алексеевича Кропоткина, создателя, в противовес классовой борьбе и диктатуре пролетариата Карла Маркса, теории взаимопомощи, как главного фактора эволюции человечества, подкрепив свою теорию многочисленными примерами из жизни животных. Кроме того, А. Атабекиан переводил и печатал на армянском языке сочинения Кропоткина, начав с

перевода вдохновленного обращения к молодежи служить не капитализму, а народу. В этом небольшом, но блестящем произведении Кропоткин превращал молодежь в идеалистов.

Александр Атабекиан был сыном закавказского помещика, который посылал ему и его сестре, тоже студентке медицинского факультета, сумму, достаточную на прожитье. Из этой суммы значительная часть тратилась братом и сестрой на печатание и бесплатную раздачу сочинений П. А. Кропоткина. Кроме того, и брат, и сестра помогали своим бедным товарищам-студентам без различия их национальносей. Поэтому их популярность среди студенчества была велика.

С тех пор дружба Атабекиана с Кропоткиным не только не ослабевала, а крепла. И когда П. А. Кропоткин вернулся в 1917 году в Москву, то Атабекиан, бросив службу врача на Кавказе, поспешил на свидание со своим учителем и оставался при нем до марта 1921 года, когда Кропоткин умер. Вскоре после этого многие анархисты были высланы, как противники большевизма, в Сибирь. Туда же попал и А. Атабекиан и не так давно, как это было сообщено Нью-Иоркским журналом "Дело Труда-Пробуждение," умер лет пять тому назад.

Мы были однолетки и, следовательно, он умер 75 лет от роду. Он мог бы прожить дольше, ибо отличался необычайным здоровием.

Как видит читатель, я много из жизни Александра Атабекиана не знаю, ибо с ним не переписывался. Он был человеком чрезвычайно скромным и вместо слова анархизм, следуя примеру своего великого учителя П. А. Кропоткина, весьма часто употреблял термин "свободный социализм" в отличие от авторитарного или государственного социализма.

В связи с этим кратким воспоминанием я сообщу еще о следующем курьезе. Издатель моих книг Н. М. Глаголев попросил меня редактировать в переводе Гурвича книгу итальянского профессора Цокколи об анархизме. Эта весьма объективная книга беспартийного ученого вышла в 1907 году и скоро разошлась. Однако эта книга причинила мне некоторую неприятность. Я был внесен департаментом полиции в список анархистов и приглашен на объяснение. Разумеется, мне ничего не стоило доказать, что я не анархист.

Проф. В. Ф. Тотомианц

ПАМЯТИ УМЕРШИХ

Моррэй Ахариа

После продолжительной болезни в Бомбее, Индия, недавно скончался старый анархист Моррэй Ахариа. Он был одной из замечательных личностей в интернациональном анархическом движении и в течение почти полувека сотрудничал во многих анархических журналах и газетах.

Молодым студентом Ахариа примкнул к одной группе радикальных интеллигентов, боровшейся против британского деспотизма за свободу и национальную независимость Индии. Благодаря своему активному участию в этом движении он неоднократно подвергался полицейским преследованиям и вынужден был оставить пределы родины. В течение нескольких лет он посетил Англию, Германию и Францию, где близко ознакомился с рабочим движением и языками этих стран. И после долгих наблюдений и размышлений он стал сторонником и ярым защитником анархического учения.

В конце 1917 года он посетил Россию и после некоторого знакомства с грандиозными событиями страны примкнул к анархо-большевикам, защищавшим новую коммунистическую власть. Но это его "крещение" не продолжалось долго. Он скоро убедился в реакционном характере большевистского государства и выступил против него. Понятно, что он уже не мог оставаться незамеченным зоркими чекистами, следившими в особенности за всеми подозрительными иностранцами. Он некоторое время скрывался, живя нелегально в нескольких местах, а затем, вдоволь настрадавшись, оставил Россию и переехал в Германию, где и прожил до прихода нацистов к власти в 1933 году. После этого он в течение нескольких лет находился в Швейцарии и только в самое последнее время, благодаря объявленной политической амнистии в Индии, получил возможность возвратиться на родину.

Последние годы своей сознательной жизни Ахариа посвятил литературной работе и много писал по социально-экономическим вопросам. Его любимыми темами были: роль труда в капиталистическом хозяйстве, всеобщая стачка и социальная революция, упразднение денежной системы и др. Он много писал и об интернациональной политике некоторых стран, в том числе и России, и при этом всегда подчеркивал агрессивный

характер коммунистического правительства. Его многочисленные статьи всегда вызывали большой интерес и часто дебатировались в анархических кругах.

В лице умершего Моррэя Ахариа, которому было 78 лет, Индия и интернациональное анархическое движение потеряли одного из выдающихся борцов.

Энрико Магон

В конце октября 1954 г. в Мексике скончался в возрасте 77 лет популярный мексиканский революционер Энрико Магон. С его смертью ушел со сцены один из славных борцов мексиканской революции. Покойный происходил из радикальной семьи. Его отец, Флорэс Магон, был офицером в освободительной армии, боровшейся в конце прошлого столетия, против диктатора Порфирио Диаза за свободу мексиканского народа, а его старший брат Рикардо был в период 1906-10 годов вдохновителем и идеологом разросшегося в Мексике анархического движения, на знамени которого было начертано: "Земля и Свобода." Этот лозунг и в настоящее время остается заветным идеалом мексиканского трудового народа. В течение многих лет братья Рикардо и Энрико Магон были душой мексиканского революционного движения. Они помогали рабочим и крестьянам в их экономической и политической борьбе, распространяли среди них анархические и революционные идеи и в течение ряда лет сообща издавали боевой орган "Рехенерасион" (Возрождение), распространявшийся в сотнях тысяч экземпляров.

В свое время славное мексиканское революционное движение стремилось к достижению таких идеалов, как справедливый раздел крестьянских земель, уничтожение эксплоатации рабочих, создание свободных потребительских кооперативов и введение всеобщей политической свободы. Эти идеалы сильно вдохновляли Энрико и он все свои силы и способности посвятил освободительному движению. Но мексиканское правительство, боясь революционного переворота, сильно преследовало это движение и Энрико, во избежение ареста, вынужден был в 1906 г. оставить Мексику и эмигрировать в Соед. Штаты. Будучи в постоянном контакте с подпольными организациями на родине, он продолжал свою деятельность по распространению революционных идей, направляя свою борьбу против террористической диктатуры Диаза. Эта борьба в Мексике с течением времени привела к некоторым бунтам и восстаниям организованных рабочих и крестьян, выступивших против диктатуры и эксплоатации иностранных и мексиканских капиталистов. Начавшаяся в 1909 г. революция в Мексике приняла широкие размеры и закончились свержением диктатора Диаза и установлением парламентского правления в лице избранного либерального правительства.

Достижение этой цели не удовлетворяло Энрико. Как противник парламентаризма, он верил, что политическая свобода и равенство наступят лишь в результате самодеятельности трудового народа. Он знал, что парламентское правление еще не дает действительной свободы и даже часто уживается с деспотизмом и реакцией. Он глубоко верил в полное освобождение мексиканского народа и этому идеалу был предан до конца своей славной жизни. *Л.*

Что препятствует быстрейшему проникновению среди рабочей массы тех мыслей, которые являются спасительными для нее? Ее невежество, а именно ее политические и религиозные предрассудки, которые благодаря усилиям господствующих классов теперь еще затемняют естественное мышление и здоровое чувство рабочих. Поэтому наша цель состоит в полнейшем разъяснении ему того, чего он хочет, в возбуждении в нем той мысли, которая соответствует его побуждениям. Как только мысль рабочей массы достигла степени побудительной сил;, ее воля определена и ее мощь непобедима.

М. Бакунин

"Повсюду произрастают новые мысли, которые стремятся выйти наружу и осуществиться в жизни, но они задерживаются инерцией всех тех, которые заинтересованы в сохранении старого порядка, так что они подавлены тяжестью состаревшихся предрассудков и традиций."—*П. Кропоткин.*

"Чтобы справедливость победила и чтобы новые мысли сделались действительностью, необходима ужаснейшая буря, которая унесла бы с собой всю гниль, оживила бы своим дыханием уставшие души и возвратила бы устаревшему, разложившемуся обществу жертвоспособность, самоотречение и геройский дух."—*П. Кропоткин.*

ДЕСЯТИЛЕТИЕ КООПЕРАТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Город Детройт является столицей автомобильного производства. Его основал в 1701 году французский дворянин Кадиллак, а когда территория Мичигана стала штатом в 1837 году, население Детройта составляло всего 5,000 человек. Ныне же Детройт имеет около 2,000,000 жителей, из коих не менее 50% составляют иммигранты: русские, поляки, украинцы, литовцы, испанцы, евреи, итальянцы, немцы, венгерцы, чехи, словаки, румыны, сербы, шведы и т. д.

Лет 45 тому назад, а именно в июле 1910 года, в Детройте был основан Русский Прогрессивный Рабочий Клуб; его основателями были русские интеллигенты, бежавшие из ссылки, и рабочие, искавшие лучшей жизни. Этот Клуб надо считать первой культурно-просветительной русской организацией в Детройте. В 1913 г. был организован второй Клуб того же названия, а в 1914 г. в Детройте состоялся первый съезд русских прогрессивных организаций, на котором было положено начало Федерации Союза Русских Рабочих. За 5 лет (1914-1919) Союз Русских Рабочих очень расширился, его отделы образовались в многочисленных городах Соед. Штатов и Канады; в крупных городах было по несколько СРР; в Детройте было шесть СРР, не говоря уже о Союзе Русских Граждан.

В этих Союзах русские искали защиты своих интересов, в то же время Союзы служили школой политического развития и культурного воспитания. На докладах и лекциях, которые устраивались СРР, русские колонисты знакомились с различными системами социальных учений, а в союзных школах они обучались грамоте, технике, хоровому пению, театральному искусству и т. д. Небольшая группа союзовцев в Детройте заинтересовалась кооперацией. Она-то и положила начало Интернациональному Кооперативному Обществу, которое в прошлом году отпраздновало 35-летний юбилей своей деятельности.

За 35-летний период своего существования Русский Кооператив в Детройте объединил вокруг себя много передовых русских колонистов, связав их узами братской солидарности. Они начали с того, что организовали кооперативный ресторан, дававший людям возможность сыто и дешево питаться. Затем был построен собственный кооперативный дом, где помещалась общеобразовательная вечерняя школа, ставились спектакли, устраивались лекции, доклады, концерты и т. д. Одним словом, у кооперативцев все нагляднее укоренялось убеждение, что *"истинный прогресс заключается в завоевании хлеба, свободы и просвещения для всех"* и что, живя в Америке, необходимо быть гражданином, изучить ремесло, язык страны, приобщиться к ее культуре, любить Америку, но не забывать своего русского народа и России.

В 1945 году члены Интернационального Кооперативного Общества организовали 2 июня новое "Русско-Американское Кооперативное Общество," которое поставило себе следующие задачи и цели:

"А) Русско-Американское Кооперативное Общество составляется из лиц, добровольно объединившихся с целью создания культурно-просветительного центра для членов Общества и их семейств на кооперативных началах.

"Б) Общество занимается фермерством с целью ознакомления членов Общества и их детей с научными методами ведения сельского хозяйства, как полеводство, садоводство, огородничество, животноводство и т. д.

"В) В целях создания экономически выгодной фармы, предоставляющей безработным и престарелым членам Общества возможность существования на фарме, создаются торговые предприятия, способствующие расширению и углублению культурно-просветительных начинаний Общества и служащие вспомогательными статьями дохода общественного хозяйства.

"Для достижения вышеупомянутых целей Русско-Американскому Кооперативному Обществу предоставляется:

"А) Производить всякого рода операции соответственно задачам Общества;

"Б) Открывать и содержать рестораны, лавки, мастерские, газолиновые станции, танцевальные залы, дачные дома, детские кэмпы и дом для престарелых;

"В) Приобретать движимое и недвижимое имущество;

"Г) Издавать литературу по кооперации и приобретать таковую;

"Д) Устраивать концерты, лекции и доклады."

Что же сделало Р.А.К.О. за истекшие 10 лет, чтобы осуществить намеченные задачи и цели? В августе 1945 г. Общество приобрело, в 45 милях от Детройта, большую фарму в 267 акров с лесом и озером. Для ведения фермерского хозяйства Общество назначило управляющим фармой Ивана Чугуна, который работает уже 10 лет при наблюдении и согласованности с председателем Обещства;

они нанимают и увольняют рабочих и следят за выполнением всех производящихся на фарме работ. Главная отрасель фармы — молочное хозяйство, расширяется также свиноводство и птицеводство; огородничество практикуется в малом размере. Фарма вполне оборудована и механизирована, имеются все необходимые сельско-хозяйственные машины и принадлежности. Фарма поставлена образцово.

При помощи своих членов и руководивших председателей Русско-Американского Кооперативного Общества (Н. Басенкова, С. Павлова, Н. Кутца, Е. Бартощука) на берегу озера было построено шесть двухкомнатных кабин со всеми удобствами, ресторан с пятью комнатами наверху, танцевальный зал, купальный пляж и был устроен красивый парк.

В 1952 г. Русско-Американское Кооперативное Общество купило вторую фарму в 80 акров (в одной миле от первой) с прекрасным домом для престарелых, где живут уже два члена Общества и где устраивается библиотека. В этом благородном деле помогают многие друзья Р.А.К.О., жертвующие книги для библиотеки.

Закончив 10 лет своего славного существования, кооперативцы спрашивают себя: "Что день грядущий нам готовит?" Мы помышляем расширить нашу кооперативную фарму, культурно-просветительную работу и дом для престарелых.

Будущее нас не пугает: вооруженные опытом истекших 10 лет и воодушевляемые сделанными за это время достижениями, мы с полным правом можем сказать, что кооперативцы сделали для себя и русской колонии в Детройте все, что могли, и в будущем мы приложим все усилия к тому, чтобы сделать больше и осуществить ряд других общественных задач и целей, намеченных Русско-Американским Кооперативным Обществом, которое 10 июля с. г. празднует свою десятую годовщину.

И. П. Ч.

G. P. MAXIMOFF

Constructive Anarchism

Translated by Ada Siegel

Forword by George Woodcock

152 pages..................$2.50

MAXIMOFF PUBLICATION COMMITTEE

2422 N. Halsted Street Chicago 14, Ill.

Легальный грабеж

Когда бывший защитник родины, находясь на положении безработного, желая накормить свою голодающую семью, попадается на грабеже, его назовут бандитом, осудят и посадят в тюрьму. Буржуазное правосудие считает такого человека опасным для себя и старается изолировать его от мира за мрачные тюремные стены. Но есть другого вида грабители; они спокойно ходят по улицам, им издали кланяются, заискивающе улыбаются, везде пользуются почетом и уважением, не подвергают себя опасности, как грабители нелегальные. К типу легальных грабителей принадлежит большинство американских эскулапов.

Мой приятель решил подвергнуть себя полному медицинскому освидетельствованию. Толкнул его на этот шаг сосед по станку, 32-летний парень. Имея домашнего врача, мой приятель к нему и обратился. Увидев старого пациента, врач обрадовался, пожурил за то, что тот долго не давал знать о себе, и в заключение спросил, чем может быть полезен. Пациент объяснил. Домашний врач ответил, что он даст ему госпитального специалиста.

Приятеля положили в госпиталь и стали проделывать над ним разные эксперименты. Совершенно здоровому человеку надоело валяться среди больных и он взмолился отпустить его домой. "Что же со мной?" — спросил у врача приятель.

—У вас обнаружены явственные симптомы здорового человека, — ответил врач и добавил: — Идите домой, забудьте свои треволнения, смотрите на все спокойно и вы будете долго-долго жить, ваше средце — здоровое.

Приятель обрадовался и на крыльях восторга помчался домой. "Значит, здоров, — твердил он: — Перешагнул шестой десяток, а еще казак." Но восторгам и радостям на следующий же день пришел конец, когда он получил от домашнего врача счет на 50 д. за свои услуги, а затем счет от госпитального врача на 40 д., тоже за "профессиональные услуги." Эти счета слишком расстроили приятеля, т. к. рекомендацию врача-специалиста нельзя считать "профессиональной услугой" и сдирать за это 50 д. с бедного рабочего. Не менее алчным оказался и спец. Все это можно назвать только легальным грабежом.

Отмечают, что в юности этот врач, делая первые шаги на медицинском поприще, читал серию лекций на тему: "Анархизм и Медицина," а теперь... Какая огромная перемена! Вместо целителя врач превратился в корыстного ремесленника. Разумеется, не все американские врачи — рвачи-сребролюбцы; среди них есть высоко нравственные люди.

"Мне вспоминаются врачи старой России. Мальчуганом судьба загнала меня в Молдавию: ни языка, ни копейки денег и вдруг заболел. Положили меня в больницу, обласкали, вылечили, дали на дорогу денег, еды, наставление и отправили в путь, как родного. Так обстояло врачебное дело в России."

Заканчивая свою жалобу и прощаясь, мой приятель добавил: "Прав Короленко в своей повести 'Без языка,' что американский капиталистический молот всех перековывает на свой лад. Не избегает этой перековки ни смолокур из Пинских болот, ни чуткий интеллигент из столицы..."

Алчность исчезнет только при бесклассовом анархическом обществе.

Ф. Коваленко

Исторический Отдел

КАК Я ПРОВОДИЛ МОЛОДЫЕ ГОДЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Родился я в конце августа 1919 года в с. Гайковка, Вераженской волости, Могилевской области. Когда мне исполнилось 7 лет, меня послали в школу. Учился я два года, т. е. до 1929 г., когда началась коллективизация.

До начала коллективизации у моего отца было 2 лошади, 5 коров, 25 овец, 10 свиней и 8 десятин земли — пахатной и луговой, своего леса не было и, когда что нужно было, покупали в казенном лесничестве. В 1930 г. 70% населения Белоруссии было уже коллективизировано. Мой отец не хотел вступать в колхоз, т. к. не находил в нем ничего хорошего.

В начале 1931 г. к отцу приехал агент НКВД. Нам, малым детям, велел выйти из хаты и нас выгнали за двери. Допрос продолжался ровно 6 часов, потом агент НКВД уехал в район на своем коне. Тогда мы, мои братья и сестры, вошли в хату и стали спрашивать у отца, что ему говорил агент НКВД. Глядя на нас, отец горько заплакал. Мой старший брат сказал:

—Ты, дорогой тата, не плачь, а скажи в чем дело?

Отец утер слезы, тяжко вздохнул и сказал:

—Мои детки, вы малые и ничего не знаете, скажу вам потом...

Но в тот же день отец подробно рассказал, что ему говорил агент НКВД, который грозил ему высылкой в Сибирь, если он не вступит в колхоз.

—Что мы будем делать? —спросил отец. Наша мать говорит ему в ответ:

—Пойдем и мы в колхоз, что людям будет, то и нам.

—Если мы пойдем в колхоз, — возразил ей отец, — то нужно все сдать в колхоз, оставят нам только одну корову и одну свинью.

—Мы же не одни такие, забирают и у других, — говорила мать.

Так обговаривали отец и мать, чтобы пойти "добровольно" в колхоз. В начале августа 1931 г. отец записался в колхоз и передал все свое имущество. Я, 12-летний мальчишка, пошел в школу, где наставник все время говорил про колхоз и утверждал, что всем людям станет житься хорошо, когда все пойдут в колхоз.

Вот прошел год жизни в колхозе, а дела у нас в доме стали ухудшаться. Отец ссорится с матерью и говорит ей:

—Лучше бы я погиб на Соловках, чем мучиться до конца жизни в колхозе."

Мать заливается горькими слезами и говорит отцу:

—Разве я виновата? Я тоже мучаюсь с малыми детьми. Каждый день ранним утром я уже на ногах, надо накормить вас да идти в колхоз на работу.

О том, что трудно жить в колхозе, отец мог сказать только матери и нам, а при посторонних должен говорить, что хорошо.

По закону каждая семья могла держать одну корову и одну свинью. Если семья большая, то разрешали иметь еще 3-4 овцы и от 10 до 15 куриц, с которых нужно было сдавать государству 80 яиц в год. Кто не сдавал, то куры забирали. Когда какой-нибудь колхозник хотел убить свою последнюю свинью, то он должен заявить об этом старшине колхоза и получить разрешение, затем с убитой свиньи он обязан снять шкуру и сдать ее государству.

Работали мы: отец, мать, две сестры и я, малолетний, во время школьных каникул (три летних месяца) и всей семьей выработали 1,250 трудодней в 1932 году. В конце этого года мы получили зерном (овес, ячмень, гречиха и жито) по 450 граммов на каждый трудодень. Деньгами в колхозе не платили. Под весну 1933 г. у нас уже не было чего есть. Тогда стали выдавать всем колхозникам кукурузную муку. Никто в колхозе не спросит тебя, ел ли ты или голоден, но должен работать. Вспоминаю, как я ходил из школы домой: от голодухи ноги млеют, подкашиваются и не могу дойти до хаты. Прихожу домой, а мать говорит:

—Идите, детки, нарвите щавелю, я вам хоть борщу с молоком сварю, а то мне самой нет времени.

А про хлеб никто не говорил. Люди ели, что попало: гнилую картошку, которую не смогли выбрать осенью; на бывшем картофельном поле сеяли, скажем, овес или ячмень, за боронами ходили малые дети и старые, которые не могли работать, и собирали картошку, затем мыли ее и сушили — получался крахмал; к нему добавляли кукурузной муки, а если не было муки, то клеверные шишки или сухие липовые листья и пекли "хлеб." Ели всевозможные травы, чтобы утолить голод.

Летом 1933 г. мне пришлось поехать на Украину, в Полтавскую область. В селах я видел целые семьи, вымершие от голода, одни только коты и собаки бегали по деревне. Нам пришлось убирать эти трупы и хоронить. Это был ужас: и старые и малые дети, опухшие от голода, лежали в своих глиняных хатах. Приезжали к нам агенты — молодые комсомольцы. У одного из них я спросил:

—Почему здесь люди с голоду вымерли? Он мне ответил, что этот год неурожайный во всем Советском Союзе.

Кончилось лето 1933 г. и я вернулся в свою Белоруссию. Когда мы отъезжали с Украины, то в НКВД по одному вызывали каждого из нас и сказали, чтобы мы никому не рассказывали, что мы видели, а кто скажет о чем-нибудь, то будет считаться, как враг народа. Я очень боялся вспоминать об этом в школе, т. к. не знал мнения моих школьных товарищей. Так мы, боясь друг друга, и не вспоминали о том, что видели на Украине.

Прошел 1933 и наступил 1934 год. Мне пришлось поехать в Москву, где мой старший брат работал шофером, т. к. ни моим родителям, ни старшим сестрам не разрешали поездку в Москву; они должны были работать в колхозе, поэтому мог поехать только я, как малолетний. Перед отъездом отец научил меня, как я должен обращаться со старшими людьми в поезде. Впервые мне пришлось сесть в поезд на станции Коммунары, в 12 километрах от нашего села. Билет у меня был куплен до самой Москвы, куда я приехал в 8 часов вечера. Сел на трамвай и поехал к брату. Приехав, подошел к дому и постучал в окно.

Кто стучит и чего хотишь? — услышал я в ответ незнакомый голос.

—Это я—Иван, это ты, Алеша?

—Нет, — ответил мне голос и замолк. Я опять обращаюсь к нему:

—Пожалуйста, выйдите ко мне на улицу, я хочу что-то спросить у вас.

Стою и ожидаю. Через минут 20 вышел мужчина, лет 45, и говорит:

—Что ты хотишь, сынок?

Я не могу ему ответить и заплакал. Он опять говорит мне:

—Не плачь, расскажи, в чем дело. Выслушав меня, он сказал:

—Твоего брата здесь нет. Завтра я тебе расскажу, где твой брат, а сейчас заходи в комнату.

Я зашел в комнату. Хозяин предложил мне раздеться и угостил чаем, затем сказал: "А теперь спи." Но мне не спалось, я все думал: где же мой брат? Утром гостеприимный хозяин сказал мне:

—Уже 8 месяцев, как твоего брата забрало НКВД.

Я сижу и не знаю, что делать, т. к. ехать назад домой денег у меня нет на дорогу. Сижу и плачу. В это время пришла жена этого гражданина, веселая женщина, и спрашивает: в чем дело? Муж объяснил ей, что я — Алешин брат. Они меня успокоили. Прожил я у этих незнакомых людей два дня, а на третий день попросил у них взаймы 33 рубля на дорогу — стоимость ж.-д. билета. На это гражданин мне сказал:

—Дам тебе не 33 р., а 346 рублей. Твой брат Алеша оставил все свои вещи у меня, я их продал в скупочном магазине и деньги хотел послать твоему отцу, но не знал точно, дома ли отец или в другом месте.

Дал мне незнакомый человек эти деньги и я отправился на вокзал, купил билет и поехал домой. Прихожу в свое село и вижу — половина села выгорела. Я растерялся. На другом конце села жил брат моего отца. Я зашел к нему и спрашиваю: "Что случилось, дядюшка?"

—Был большой пожар, ответил мне дядя, половина села выгорела и ваша хата тоже сгорела.

—А где же наша семья? — спрашиваю.

—У соседа Фомки, ответил дядя. Пошел я к Фомке и постучал в двери. Меня впустили в хату, где наша семья спала на полу. Мать встала и сказала мне ложиться спать. Я согнулся и лег на лавке возле стола. Когда утром встали, то оказалось, что в маленькой хате (8 на 8 метров) нас было человек двадцать.

Отец спрашивает, как дела у меня и у Алеши. Я заплакал и не мог ему ничего сказать. Затем успокоившись, я рассказал то, что передал мне незнакомый человек в Москве, передавший мне деньги и сообщивший об уводе Алеши.

На другой день отец поехал в районное НКВД, чтобы узнать про судьбу своего сына. Там ему сказали, что пошлют розыск и велели придти через 2 недели. В конце второй недели к нам приехал на лошади агент НКВД и вызвал на двор отца. В этот день мы видели в последний раз нашего отца. Куда его отправил энкаведист — мы не знали. Остались мы одни: мать, две сестры и я.

Весною 1935 г. мать обратилась к старшине колхоза с просьбой дать нам хату. Старшина ответил: "Не горюй и не волнуйся, подожди, скоро дадут хату."

В 1936 году дали нам хату: 6 на 6 метров. Наша мать вынуждена была тяжело работать в колхозе и дома. В то же время она тосковала по отцу. От тяжелой работы и недоедания она заболела и померла 22 сентября 1938 г. Мы остались без отца и без матери.

Старшая сестра работала в колхозе дояркой, младшая работала тоже каждый день — куда пошлют, такую же работу и я выполнял.

Наконец, 15 августа 1939 г. меня призвали на службу в Красную Армию. Я обрадовался, т. к. думал, что в армии отдохну и не буду так тяжело работать, как в колхозе. Меня зачислили в пехоту. Прослужил я в армии месяц и стал привыкать к солдатской жизни. В этом же году нашу 136 Пехотную Дивизию перевели в Западную Белоруссию — в Брест-Литовск, где нас обучали строить укрепления на границе: бетонные доты и копали траншеи.

Политруки все время говорили, что нужно настроить столько укреплений, чтоб враг не мог сделать ни одного шага на нашу землю. Мы, молодые солдаты, ничего, кроме колхоза, не видели и не знали. А работники НКВД нам гоовриили, что заграницей люди мучаются, тысячи безработных и голодных выброшены на улицу и не имеют приюта. К этому политрук добавлял, что заграницей больше сидить людей в тьюрмах, чем в Советском Союзе. Мы верили им.

В начале 1940 г. начали брать в армию западных украинцев и белоруссов. Они рассказали нам, как им жилось под поляками. Тогда только мы узнали, что в Советском Союзе правды нет и что все тут построено на лживой пропаганде. С того времени мне все думалось: кабы скорее война, может удастся перейти куда-нибудь границу и повидать больше света.

Зимою 1940 г. началась война с Финляндией. Нашу дивизию перебросили на подкрепление фронта: приехали мы из Западной Белоруссии в Ленинград, где увидели много бегающих без толку солдат. На каждой улице Ленинграда советское радио кричало: "Враг будет разбит! Победа будет за нами!" Я подумал: ах, как вы, собаки, брешете!

На следующее утро, в 4 часа, мы были уже на передовой линии фронта. Мороз пронизывает насквозь. Правда, нам выдали по пол-литра водки для согревания, но водка не помогла: солдаты мерзли. И вот пошла наша дивизия в наступление: рота за ротой, полк за полком, баталион за батальоном, полным строем вышли на Карельский перешеек и на лед; не дошли мы около 300 метров до финских укреплений, как фины открыли по нас огонь. Нам некуда было деваться, т. к. фины обстреливали нас с трех сторон. Наши командиры только кричали: вперед и ура, ура. Бой продолжался три часа, мы подбежали к холмику, где было много снега и редкий ельник. В 7 часов вечера прибыла Сибирская дивизия сменить нашу дивизию, от которой осталось не больше 300 человек; остальные были либо убиты, либо утоплены в заливе, когда тяжелая батарея пробила лед, либо взяты в плен, либо ранены. Жутко было глядеть на мучающихся раненых солдат, безруких, безногих, с отморожеными лицами... Воевать было трудно.

После первого наступления я был отправлен на две недели на отдых в Ленинград. Каждый день политрук говорил нам: когда мы завоюем Финляндию, то всем солдатам будут льготы, а также и их семьям, находящимся в колхозах. После 2-недельного отдыха нас опять погнали на передовые позиции. Не знаю, каким чудом я остался в живых после столь жестокой войны.

Закончив войну с Финландией, нас оставшихся в живых, отправили в Свердловск, на Урале, где мы должны были отдохнуть. Через неделю вызвали в штаб полка, где комиссар мне заявил: "За боевую отвагу мы посылаем тебя в полковое училище учиться на сержанта."

Учился я не долго: 22 июня 1941 года началась война с Германией. В то время я находился в Свердловске. В октябре фронт был под Смоленском. Меня вызвали в штаб дивизии и сказали: "Враг нарушил границу и перешел на нашу родную землю, надо ехать на фронт."

—Охотно еду, товарищ командир, ответил я.

Послали меня в 52 Пехотную Дивизию, которая стояла в Юхнове, в стороне от Смоленска. Приехав, заявился в штаб дивизии, где мне сказали: "Так как ты учился в школе, то должен принять роту солдат и идти на фронт бороться за свою родину." Я принял роту солдат, как командир роты." Нас хорошо вооружили. Перед отходом на фронт мы приняли присягу: никогда не сдаваться в плен и биться до последнего патрона, который оставить для себя.

После принятия этой присяги нас отправили на фронт под Брянск, проходивший по реке Десне. Был месяц февраль 1942 г. Мы пошли в наступление против немцев и находились на передовой линии ровно 4 месяца: 5 июня 1942 г., попав в окружение, мы были забраны немцами в плен.

Отняв у нас оружие, немцы погнали нас пешком, как стадо овец, в Польшу. Кто уставал и не мог идти, тех немцы пристреливали на месте. Мы говорили друг другу: в советской армии мы мучились, а немцы добьют нас, если не подохнем с голоду. Так пригнали нас в г. Плоцк, куда согнали 150,000 советских пленных разных национальностей: белоруссы, украинцы, татары, казахи, башкиры, киргизы и т. д.

Когда нас пригнали в концлагерь в Польшу, то с первых дней нам давали по 200 граммов черного хлеба в сутки, а через неделю стали давать по 200 граммов на целую неделю и по пол-литра "супа" — мучнистой воды; иногда давали сырую картошку и капусту. Наш лагерь был под открытым небом, огороженный колючей проволокой в 3 метра вышиною, а вокруг лагеря — часовые. Прошел месяц нашей жизни в этом лагере. Солдаты стали вымирать, как мухи: по сотне и больше в течение суток. Бывали случаи побегов и расстрелы при попытке к побегу. Мы все ослабли. Меня поддерживали товарищи, приносившие мне ежедневно по пол-литра лагерной баланды, которую я пил вместо воды. От такой жизни у нас завелися вши, а немцы кричат нам: "Свиньи вы, русские, вас всех нужно расстрелять!" От этих обид мы плакали, как малые дети...

Пробыл я в этом концлагере до октярбя 1942 г., когда нам, нескольким товарищам, удалось убежать из лагеря. Решили пробираться в свои родные места: днем уходили в лес, а ночью — в деревне. Так блукали больше 2 месяцев пока добрались из Польши до своих родных мест в Белоруссии. Много натерпелись.

Вот прихожу я ночью в родную деревню и стучусь к дяде.

—Кто там? — спрашивает дядя.

—Это я — Иван.

—Что же с тобой? Откуда ты взялся? Ведь ты был в армии.

Рассказал я вкратце свои злоключения, как немцы расстреливали наших солдат, как вешали и как морили голодом в лагерях военнопленных. Наверно никто так мучить не будет, как мучили нас немцы.

Дядя возразил, что это ему не понятно: в прошлую войну он сам был в плену 4 года — с 1918 до 1922 года и немцы обращались с пленными хорошо; работал он у "бавера," который имел больше машин, чем наш колхоз. А пока война не кончена, даст Бог и при немцах будет хорошо. На это я ему ответил, что Сталин отнял у наших людей свободу и насилует их, а Гитлер — хуже Сталина, так как он уничтожает наш народ еще в большем количестве, чем Сталин.

В 1943 году немцы начали отступать из России и стали насильно вывозить молодых парней и дивчат на работы в Германию. 15 февраля 1943 г. меня тоже насильно вывезли в Германию. Работал я у "бавера" в Баварии до прихода американцев. Работа была изнурительной: с 5 часов утра до 10 или 11 часов вечера ежедневно. От моего хозяина я никогда не слышал доброго слова. Это были не те немцы, которых знал дядя в 1918-1921 годах.

Иван Малашенко

Новая Книга

Принимается предварительная подписка на новую книгу П. А. Кропоткина — **"Идеалы и Действительность в Русской Литературе."** Этот замечательный труд Кропоткина состоит из лекций, прочитанных им в свое время в США. В нем дана оценка всей русской литературе, которая, как указывает автор, всегда отражала идеалы общественного освободительного движения.

Эта ценная книга, размером 15,5 х 23 сантиметров, имеет 350 страниц, изобилует многочисленными портретами русских писателей, сдана уже в печать и скоро выйдет в свет. Цена книги 3 доллара.

Обращение Профсоюза

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Уважаемые товарищи! Посылаем вам 87 д., из коих 45 д. за книги, а 42 д. в фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение"; жертвовали: Д. Савчук — 10 д., Т. Шумович — 10 д., И. Черный — 10 д., А. Шаврук — 10 д. и К. Крутель — 2 д.

Мы извиняемся перед теми товарищами, которым мы не смогли ответить на их письма, присланные нам вместе с деньгами за книгу А. Карелина "Вольная Жизнь" и за другие книги. Мы выражаем нашу глубокую благодарность всем, что поддержали нас морально, а журнал материально, ибо деньги, вырученные от продажи книг, идут на издание журнала.

Хотим еще довести до сведения всех товарищей, что скоро выйдет из печати новая книга П. А. Кропоткина **"Идеалы и Действительность в Русской Литературе."** Книга эта составилась из лекций, которые читал П. А. Кропоткин в 1901 году в Америке. **"Через всю книгу проходит мысль, что лучшая русская литература всегда отражала идеалы общественного освободительного движения."** Книга издается в Аргентине Н. Чоловским, но все заказы на эту книгу просим направлять либо к нам в Детройт, либо по адресу журнала "ДТП." Цена книги 3 д. с пересылкой.

Профсоюз г. Детройта

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСТРАНЯЙТЕ ДЕЛО ТРУДА - ПРОБУЖДЕНИЕ

Библиография

РАБСКИЙ ТРУД В СССР*

Со времени победы большевиков в России и установления диктаторского режима прошло уже более трех десятков лет, в течение которых коммунистическое "правосудие" все время работало усиленным темпом, расправляясь с "врагами революции" оптом и в розницу. Десятки и сотни тысяч людей разных состояний были осуждены, часто даже без суда, в административном порядке на 5, 10 и 25 лет заключения в концлагерях, разбросанных по всей необъятной России. По достоверным источникам в СССР в настоящее время насчитывается более 10,000 концлагерей или, по официальной советской терминологии, "исправительно-трудовых лагерей," построенных на основе рабского труда и содержащих от 12 до 14 миллионов узников. На всех лагерях у входа красуется красное знамя с эмблемой молота и серпа и надписью: "Пролетарии всех стран, объединяйтесь!"... как бы в насмешку и в издевательство над заключенными рабами. Среди пленников коммунистического режима можно встретить рабочих, крестьян, священников, врачей, инженеров, бывших коммунистов, женщин-монахинь, иностранных коммунистов — немецких, французских, шведских и т. д., поверивших в миф пролетарского рая, но впоследствии разочарованных и разбитых горькой советской действительностью. Вся эта человеческая масса служит хорошей пищей для "рабочего" государства: она поставляет ему свой труд рабов для всяких коммунистических строек, и тем самым облегчает довольную жизнь многочисленных советских бюрократов-паразитов.

Лагерники большей частью заняты на военных сооружениях, строительстве каналов и железных дорог; они роют пограничные траншеи и укрепляют военные порты. Другие работают в рудниках, шахтах, на лесопилках и заводах. Женщины, для которых отведены отдельные бараки, выполняют наравне с мужчинами самые тяжелые и грязные работы. Условия труда квалифицированных работников, инженеров и архитекторов, не многим отличаются от скверных условий труда простых рабочих. За свой тяжелый труд лагерники получают ничтожную плату, плохую пищу и антисанитарный ночлег. В лагерях нет ни культурных развлечений, ни элементарных удобств. Об этом правдиво повествуют многочисленные документы и свидетельства — статьи, очерки, книги—бывших лагерников, чудом вырвавшихся из "пролетарского рая" и рассказывающих о жить-бытье рабов коммунистического государства. И к ним, несомненно, принадлежит недавно вышедшая из печати важная книга К. Петруса "Узники коммунизма."

Отличительная особенность этой книги — ее правдивость, что подтверждается указанием места и времени, где и когда произошло то или иное событие в лагерной жизни заключенных. В целом ряде простых по форме и изложению рассказов и очерков автор — бывший лагерник — рисует страдальческую жизнь заключенных рабов, которых коммунистическая власть из года в год калечит физически и морально. Главная цель сов. правительства — изолировать политически неблагонадежный элемент от остального населения страны и путем "перековки" —обезличения—перевоспитать его в духе слепого повиновения официальным вождям большевизма. Среди лагерников имеются молодые и старики, активные и пассивные враги большевизма и советской власти, религиозно настроенные и свободомыслящие, невинно пострадавшие и сосланные без суда. Все они протестуют. Их протесты сказываются в различных формах: в отказе исполнять приказы начальников, в отказе от непосильной работы и плохой пищи, в молчаливой ненависти к власти, в частых побегах и нередко в активных выступлениях. Протестанты знают, например, что побег — самое трудное и часто невыполнимое средство на пути к свободе. Но страстное желание вырваться на волю не останавливает их от попыток к побегу. Преодолевая чувство страха, многие из них бегут, бегут в одиночку и даже целыми группами. Протесты сказываются не только в единичных выступлениях лагерников, но и в массовых стихийных бунтах. Доведенные до последней степени нетерпения и отчаяния, узники часто решаются на всё. Вот, для примера, бунт женщин. В Н-ский концлагерь прибывает большой эшелон осужденных женщин. Их размещают в грязных, холодных землянках, кормят отвратительной пищей и всячески издеваются над ними. И в результате — стихийный бунт. "Это был ураган женского протеста, — пишет Петрус — 'Стреляйте в нас, палачи проклятые,' — кричат несчастные женщины охране." Но в них не решились стрелять. Коммунистическая власть, повидимому, боится массовых выступлений и не

* К. Петрус. "Узники коммунизма." 235 стр. Издательство имени Чехова. Нью Иорк, 1953.

всегда решается на применение к ним жестоких мер.

В кратком послесловии автор замечает, что "наш многострадальный век заболел коммунизмом," и он верит, что от него можно излечиться только нравственным учением Христа. Надо, понятно, бороться с преступным коммунизмом, но не моральной проповедью, ибо коммунисты отвергают нравственные идеи. В этом Петрус сам убедился в течение долгих лет пребывания в советских тюрьмах и концлагерях. Одно несомненно: коммунистов нельзя победить христианской проповедью; их можно победить только вооруженной силой.

Можно смело сказать, что книга "Узники коммунизма," как замечательный человеческий документ, займет видное место в антикоммунистической литературе.

Л. Л.

ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА*

Познать идейного человека—значит прежде всего познать его мечты, идеи и стремления. После такого знакомства его духовный облик становится более близким и понятным. "В вихре революции" автор выявляется, как мечтатель, мыслитель и критик. Трудно, понятно, подметить грань, разделяющую их, ибо большей частью они сливаются и дополняют друг друга, но при чтении книги все же чувствуется, что и мечтатель-поэт, и мыслитель-идеалист, и критик-полемист выступают как-то отдельно, самостоятельно, причем то в одной, то в другой статье можно встретить некоторые выражения и мысли автора, противоречащие его мистическому миросозерцанию.

В первой части книги, занимающей 90 страниц, помещены стихи и статьи. Как мечтателю, автору свойственен некий поэтический дух, возносящий его до небес. Он возвышается над грешным миром и соприкасается с богом, духом, провидением и другими мифическими святынями, причем слова "бог," "дух," "провидение" он начинает в середине стиха с прописной букви — видимо, для пущего страха. В его лирических стихах чувствуется субъективное настроение взволнованных душевных переживаний. Конечно, не все, пишущие стихи, могут быть названы великими или талантивыми поэтами. Есть поэты и "поэты," и среди них автор занимает среднее место. Из прозаических произведений следует отметить статью "Искусство и свобода." В ней выдвигается положение, что каждый человек, вне зависимости от места и времени, стремится к прекрасному и возвышенному. Оно, как и стремление к радости и довольству, — вечный, непреложный закон жизни. Автор отвергает точку зрения тех, кто верит в "искусство для искусства," и считает, что искусство — художественное, музыкальное, литературное, театральное — не может быть коллективным творчеством. Истинное искусство индивидуально и оно не терпит стеснений и указаний. Оно связано со свободой, отвергающей старые ценности и наполняющей жизнь новыми идеями и новыми ценностями.

Вторая часть книги занимает более 250 страниц и в ней помещено около 30 статей, касающихся таких различных и спорных вопросов и проблем, как анархизм, социализм, большевизм, скептицизм, культура, свобода, право, этика и многие другие. Коснемся некоторых из них, как наиболее важных. В небольшой статье "П. Кропоткин и анархизм" автор высказывает несколько интересных, хотя и не новых мыслей, касающихся анархического учения вообще и его лучшего теоретика в особенности. Великая заслуга Кропоткина заключается в том, что он научно разработал учение анархизма, открыв анархические начала в законах биологии, антропологии и этики. Кропоткин, следовательно, не только анархист, но и ученый. Он принадлежит к числу тех великих мыслителей, которые своими социальными учениями сильно влияют на поколения людей и определяют их идейные стремления. Его произведения — это энциклопедия основных знаний в различных областях истории, социологии и анархизма. Его многочисленные последователи любили его с тем энтузиазмом, с каким ученики любят своего учителя. Недаром великий английский поэт Оскар Уайльд считал его "вторым Христом, идущим из России." Следует при этом заметить, что о Кропоткине и его учении существует богатая литература на многих языках, но к ней в редких случаях прибавляется что-нибудь новое и оригинальное.

Статья "Анархизм и скептицизм" касается одного из спорных вопросов анархизма — так называемого "синтеза" — и является критическим ответом на одну статью Волина, в которой последний силился найти правильный ответ на старо-новый философский вопрос: "что есть истина?" Автор пускается в философскую экскурсию и указывает цитатами из писаний древних и новейших философов, что истина есть вечно существующее неизменчивое бытие. Он далее поясняет, что в мире физических явлений господствуют железные законы детерминизма, т. е. предопределения закономерных естественных явлений природы и жизни, которые человек не может изменить. И отсюда он выводит скептическую мысль, что навряд ли искомой объективной истиной может быть искусственно построенный синтез, который анархисты стремятся создать с целью объединения своего разрозненного движения. Здесь необходимо заметить, что тяжесть спора лежит вовсе не в плоскости физических, а социальных и духовных явлений, здесь-то человек, благодаря сознанию и воле, может стать тем важным фактором разрушения и созидания, который часто проявлялся в историческом развитии человечества. Объективности ради надо установить, что анархический синтез, выявив свои положительные и отрицательные стороны, был важной и необходимой попыткой анархистов найти правильный путь для объединения и укрепления анархического движения.

Статья "Новое в этике" является историческим изложением нравственных учений, сделанным П. А. Кропоткиным в первой части своей "Этики." Кропоткин установил нравственные начала, наблюдаемые в природе, в мире животных и среди людей и согласные с законами физическими, биологическими и социальными. Он стремился создать реалистическую сущность этики. Спорно, поэтому, утверждение автора, будто Кропоткин придавал известное

---

* Е. Долинин-Моравский. "В вихре революции." 460 стр. Издательство "Друг." Детройт, Мич. 1954.

значение религиозному сознанию людей и считал его фактором в развитии их нравственных идей и поступков. Кропоткин объективно установил, что в истории человеческой культуры религия является ничем иным, как веками вскормленной иллюзией, основанной на субъективной фантазии, а не на ральной действительности, и освященной и поддерживаемой власть имущими. Такие понятия, как бог, бессмертие души, загробное существование, ад и рай и др. являются плодом человеческих фантазий и суеверий, проистекающих от невежества и тьмы. Как атеист и противник всяких суеверий, Кропоткин не верил в личного бога, как и не верил в божественность Христа, и он вообще не придавал никакого значения религиозной вере.

Сильное впечатление производит статья "Могильщики России," являющаяся ответом автора нью-иоркским большевикам на их выпады против него и анархистов вообще. В бичующих тонах он клеймит большевиков и их преступную политику. В ней он выступает в роли грозного обличителя и мечет громы и молнии по адресу опьяневших от власти большевиков. "Вы — злодеи и лицемеры, — пишет он: Вы — новые самодержцы, новые деспоты. Но ваше царство — временное. В себе самом оно носит смерть." Вся статья — пламенный протест против террористического режима большевиков — могильщиков России и ее революции. (Признаюсь, я дважды прочитал эту замечательную по содержанию и стилю статью.)

Статья "Россия и большевизм" является полемическим выступлением автора против взглядов американского социалиста Скотта Ниринга и английского философа Бертрана Росселя, высказанных ими относительно большевизма и русской революции. По его мнению, ни Ниринг, ни Россель не понимают подлинного характера большевизма и русской революции. Ниринг считает большевизм переходной ступенью от капитализма к социализму. Он думает, что социализм в России был неизбежен, ибо капитализм в этой стране изжил свои старые формы и неудержимо катился в пропасть. Но прав ли Ниринг? Нет, — отвечает автор, — в России капитализм не был настолько развит и стар, чтобы умереть естественной смертью. И в этой капиталистически неразвитой стране не может быть социализма, как его понимают ортодоксальные марксисты. Гораздо ближе к истине Россель, который утверждает, что большевистская Россия — это большая казарма, в которой голос свободы и социализма совершенно задушен и в которой царствует нераздельная деспотическая власть новых узурпаторов. Он объясняет русскую революцию многими причинами: историческими, политическими и правовыми и считает, что в Европе и Америке не может быть такого уродливого явления, как русский большевизм, ибо там народы политически и культурно более развиты, они не позволят никаким политическим авантюристам господствовать над собой. И с этим автор статьи согласен.

Все это верно и понятно. Непонятно лишь категорическое утверждение автора, что в России "никто не знал этих людей раньше," т. е. до революции 1917 г. Такое утверждение абсолютно противоречит исторической истине. Большевики были известны в России задолго до официального раскола русской социал-демократической партии в 1903 г. на меньшевиков и большевиков. Первый политический орган большевиков "Искра" был основан еще в 1900 году. Именно "искровцы" являются предтечами большевизма. Их нелегальная литература распространялась в России до, во время и после революции 1905 г. Они имели сторонников среди рабочих, студентов и учителей. В 3-й и 4-й Государственных Думах (1912-14 г.г.) была даже целая большевистская фракция, руководимая московским депутатом Малиновским. Можно, понятно, быть против большевиков, но не следует отрицать того, что они были известны в России задолго до их победы.

Статья "Опасная игра" является критикой нашумевшей в анархических кругах "Организационной Платформы." В ней автор устанавливает, что всякое явление в жизни рассматривается людьми субъективно и разно. Точка зрения идеалиста, например, будет отличаться от точки зрения материалиста, мистика или политика и все они одно и то же явление или событие будут толковать различно. Он далее устанавливает, что русская революция 1917 г. породила несколько новых течений в анархизме, причем, как сама революция, так и анархические течения (анархо-универсализм, неонигилизм и др.) выставлялись в субъективном свете, т. е. сообразно толкованию и вере их сторонников и противников. Но все эти течения долго не существовали; они, подобно метеору, быстро появились и так же быстро исчезли. Вообще, всякое новое течение в анархизме, по мнению автора, является временным и преходящим явлением. Единственно правильным и вечно существующим анархическим течением он считает только анархо-мистицизм. Согласно его взглядам, мистицизм является общечеловеческим и универсальным учением, в котором "мы слышим отзвуки тысячелетней мудрости и находим сокровенный, таинственный смысл вечного существования божественного бытия." Но что общего между мистицизмом и анархизмом, как социальным учением о безвластном общежитии людей? На этот вопрос автор не дает прямого ответа, но, вместо этого, переходит к критике "Организационной Платформы."

Из этой Платформы он в одном месте приводит следующую цитату: "Анархизм является социальным движением трудовых масс и уже по одному этому он должен сплотить свои силы в одну общую, постоянно действующую организацию, как того требуют действительность и стратегия социально-классовой борьбы." Здесь-то, по его мнению, начинается та опасная игра, которая приведет анархистов не к анархии или свободной жизни, а "к власти и централизации." Можно, понятно, считать, что анархизм является общечеловеческим идеалом, отвергающим классовую борьбу и выдвигающим идею антигосударственной борьбы, но нельзя отрицать того, что в Платформе имеется много верных положений, принципов и идей, касающихся анархизма и его теории, тактики и движения. В ней, например, указывается, что анархическое движение станет успешным лишь тогда, когда анархисты покончат с дезогранизованностью и идейной неоднородностью и создадут дееспособные организации, основанные на однородной программе и тактике. В ней правильно подчеркивается, что анархическое движение является по существу народным движением угнетенных трудовых масс, стремящихся к полному освобождению от экономического, политического и духовного рабства. Мистицизм же является буржуазно-философским и религиозным течением, направленным к продолжению и сохранению рабства и он, следовательно, не имеет ничего общего с анархиз-

мом. Прицепить мистицизм к анархизму и считать, что анархо-мистицизм является подлинным анархизмом — значит предумышленно искажать анархизм в угоду мифическому мистицизму.

Вторая часть книги заканчивается двумя небольшими статьями: "Причины нашей отсталости" и "Будущее России." В первой статье автор касается культурной отсталости русско-американской колонии и указывает на некоторые ее причины: неорганизованность, разочарование и невежество. Невежество он считает главной причиной малокультурности русской рабочей колонии и исцеление от него усматривает в просвещении и знании. Знание, конечно, вещь полезная — никто этого не отрицает, но на одном знании далеко не уедешь. Можна быть образованным и просвещенным человеком и все же оставаться рабом в социальном отношении. Главные причины и последствия невежества кроются не столько в незнании и необразованности человека, сколько в его несознательности и нужде. Среди некоторых бедных рабочих, например, можно часто встречать сознательных и идейно развитых людей. Но в своей массе рабочие, забитые нуждой и трудом, не могут стремиться к образованию. Только с полным социальным освобождением народные массы получат возможность стать более культурными и образованными.

Во второй статье затрагивается спорная проблема: Россия после падения большевистской диктатуры. В ней указывается на существование различных эмигрантских группировок, борющихся против большевиков. Каждая группировка имеет свою программу и свои планы будущего устройства родины. Никому, понятно, не дано знать, когда и каким образом наступит ликвидация большевистского режима. Будет ли это в результате новой революции, интервенции или войны — никто этого не может знать. Но если допустить последнее, т. е. войну, то все будет зависеть от соотношения сил и той линии, которую наметит по отношению к России коалиция демократических держав. Несомненно одно: возврата к старому монархическому режиму не будет. Народная Россия похоронила монархизм и стремится к новой, свободной жизни. Но никакая новая власть, после падения большевиков, не принесет освобождения России. Подлинное освобождение страны может наступить только с осуществлением идеалов безвластия. И наш моральный долг помочь народам России в их борьбе против диктатуры и власти за лучшую, свободную жизнь.

Третья часть книги, занимающая 100 страниц, заключает в себе несколько статей и заметок библиографического и критического характера. В особенности интересны критические заметки о двух книгах: "История махновского движения" П. Аршинова и "Ассоциационный Анархизм" Льва Черного, о журнале "Анархический Вестник" и брошюре "Религиозные предрассудки" К. Г—ко. В махновском движении автора интересует главным образом, две стороны: социально-идеологическая и моральная. Указав, что главным социальным идеалом махновцев было создание вольных рабоче-крестьянских советов, он подчеркивает, что со стороны махновских анархистов не наблюдалось никакого общественного или экономического строительства, которое смогло бы доказать жизненность и практичность анархического идеала. В своей революции махновцы не соблюдали и моральных принципов, ибо они наказывали и даже расстреливали своих врагов. Но надо считаться с тем, что в тяжелых условиях военной обстановки махновское движение, окруженное многочисленными врагами справа и слева, вынуждено было всегда обороняться и оно не могло расчитывать на скорое проведение в жизнь анархических идеалов. Надо также заметить, что христианская заповедь: "люби врага своего" в революции не может применяться. Главную заслугу махновского движения 1918-21 годов следует видеть в том, что оно сумело продержаться в течение трех лет тяжелой борьбы и доказало правильность того взгляда, что анархическое движение может победить только, как массовое народное движение или оно вовсе не победит.

В учении ассоциационного анархизма автор находит начала и принципы своеобразного индивидуализма, вытекающего не из идеалистических побуждений человека, а из его материалистической сущности. Не соглашаясь с таким направлением, он отвергает материалистическое понимание истории, рассматривающее человеческое общество с точки зрения грубых материалистических интересов, и принципиально соглашается с индивидуалистическим направлением, выступающим против коммунизма. Индивидуалист восстает прежде всего против коллектива, против насилия общества и коммунзима. В коммунистическом обществе личность растворяется, становится ничем, превращаясь в послушное орудие. Короче говоря, коммунизм — рабство. Понятно, государственный коммунизм отвергает автономию личности и превращает человека в раба, служащего общим интересам государства. Но анархический коммунизм освобождает личность от всяких политических и социальных пут и предоставляет ей полную возможность и свободу в развитии ее культурных и духовных стремлений.

Небольшая статья о нескольких номерах журнала "Анархический Вестник" начинается с кратких критических заметок о помещенном в них материале и синтетическом анархизме — направлении, которого придерживался этот журнал. "Анархический Вестник" ставил себе широкие задачи теоретического и тактического характера. Он стремился к научной разработке анархического учения и разрешению ряда спорных тактических вопросов и проблем. Но грандиозная попытка этого журнала, требовавшая больших средств, энергии и терпения, не увенчалась успехом не вследствие неподготовленности редакции к намеченной работе, как неправильно объясняется автором, а вследствие возникших разногласий, приведших к скорому приостановлению этого важного журнала.

В краткой заметке о брошюре "Религиозные предрассудки" указывается на неправильное смешение двух понятий: религии и церкви, не имеющих ничего общего между собой. Но по существу вопроса, т. е. о мифическом боге и религиозных предрассудках, ничего ровно не сказано. Известно, что о религиозных учениях написано много книг, но в них очень мало правды-истины. В маленькой же атеистической брошюре заключается больше истины, чем в самых больших теологических трактатах.

Книга "В вихре революции" заканчивается несколькими интересными письмами, некоторые из них, впрочем, не имеют большого общественного значения. В ней имеется и лишний материал, касающийся некоторых стихов, статей и фельето-

нов. Но в общем она производит хорошее впечатление и читается с большим интересом.

Л. Липоткин

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ИОГАННЕСБУРГ, Ю. Африка. — Дорогие друзья! Примите нашу сердечную благодарность за присылку нам журнала "Дело Труда-Пробуждение" и двух книг: "Вольная Жизнь" А. А. Карелина и Сборника Долинина. Вы не можете себе представить, какая радость у нас была, какой великий праздник!.. Мы очень сголодались по печатному слову на нашем родном языке. Мы всегда собираемся по субботам и воскресеньям, читаем присланные журналы и книги и ведем дискуссии по разным вопросам, обсуждаем проблемы.

Наша новая страна — Южная Африка была самой свободной страной в мире, но, благодаря сталинским изуверам, мы все здесь невинно пострадали: усилена охрана и к нам не пропускают печатных произведений. Во всем виноваты большевистские ублюдки, составляющие собою шайку жуликов. Но никак нельзя жаловаться на африканский народ: все они люди добродушные и гостеприимные.

У нас к вам просьба: пришлите нам две брошюры: **"Два побега"** Аршинова и **"Грядущая Мировая Бойня"** Филиповича. Быть может, мы скоро получим разрешение на высылку вам денег. **Р. Байк...**

АНТВЕРПЕН, Бельгия. — Ваш ценный пакетик с книгой Карелина "Вольная Жизнь" получил. Очень Вам благодарен и всем Детройтским членам СРР. Не так давно побывал в Корее, Австралии, Ванкувере, а теперь отдыхаю. Мне уже перевалило за 65, но я еще бодр духом и не сдаюсь в споре с большевистскими барабанщиками, с которыми приходится встречаться. Я уже довольно пространствовал по святой земле и по бушующим морям и океанам, а теперь буду ждать вечного покоя. Прилагаю 1 доллар за книгу. Очень буду рад, если напишите мне. **ЯАК**

МОНТЕВИДИЕО, Уругвай. — Только что получил пять экземпляров книги А. А. Карелина "Вольная Жизнь." Очень обрадовался... С Аполлоном Андреевичем я был знаком лично. В 1918 г. я был вызван им из Иваново-Вознесенска в Москву на съезд анархистов, который состоялся в конце декабря 1918 г. и на который с Украины прибыл Иван Тарасюк, а с фронта — Маруся Никифорова (тоже покойная). Об этом периоде у меня написано много воспоминаний, но нет средств и возможности издать, т. к. нет здесь русской типографии. В Аргентине нельзя, оттуда я был депортирован в Уругвай... **А. Черняков**

СТРАТФИЛЬД, Австралия. — Дорогие товарищи! Извиняюсь за долгое молчание. Остаюсь верен идее безвластия. Теперь я могу серьезно заняться общественной работой. Тихая сытая жизнь мещанства меня не соблазняет и я не собираюсь забирать сокровища на земле. Что и как я буду делать для распространения идеи анархизма, еще не знаю, но желание очень сильное и огонь есть. Пока я один, но есть и согласные. Придет время и нас еще будет больше. Жму ваши руки. **С.К.**

МЮНСТЕР, Германия. — Очень благодарен вам за присилку мне замечательной литературы. Я уже впился в нее рассудком и сердцем. Особенно восхищает меня "Современная наука и анархия" П. А. Кропоткина и "Очерки по истории анархических идей" Макса Неттлау. До чего же глубоко и верно написано! Читая всё это, я теперь, уже в старости, вижу, что по существу ведь я всю жизнь прожил с анархическим мировоззрением, сам себе не отдавая в этом отчета. В этом отношении согласны со мной и те мои друзья, которые читают со мной вашу литературу. Мы даже уверены, что и все человечество в основной своей массе носит в себе анархизм, вместе с головой на плечах и сердцем в груди, но не замечает этого, ибо слишком много клеветников на анархизм. В "Посеве" солидаристов от 3 апреля сего года напечатана беседа западных корреспондентов с юношей Валерием Лысиковым, который, как сын видного отца-коммуниста, учился в школе для детей советских офицеров вблизи Берлина. В частности и в особенности замечательно сообщение этого юноши-перебежчика о том, что в их школе существовала анархическая организация, включающая в себя больше пятидесяти учащихся, как можно понять из слов этого милого, отважного юноши, в СССР таких — тысячи! Это **очень** знаменательно! Люди испытали и капитализм, и коммунизм, точнее — большевизм, и видят, что оба они — два родных брата, только не Каин и Авель, оба — Каины. Будущее (и, верю, даже не столь отдаленное) безусловно принадлежит анархизму. Ускорять этот приход — наш трудный, но радостный долг! **К.Д.**

ХОВСТА, Швеция. — Дорогой друг и брат, две книги — Карелина и Долинина — получил. Прими мою сердечную благодарность. На мою жизнь произвел сильное влияние Л. Н. Толстой, хотя я ни в каком случае не могу быть причислен к "толстовцам." Это прозвище очень не любил и сам Лев Николаевич. Из прилагаемого "Моего Мировоззрения" ты поймешь мое направление, которое не имеет ничего общего с анархизмом, хотя нас все таки считали таковымы. Петр Малов в своем "Рассвете" поместил "Мое Мировоззрение"; в свое время оно было опубликовано во многих других журналах на английском, немецком и японском языках.

Хотя я и слежу за политическим горизонтом и его переменами, однако я далек от участия в сферах, т. к. знаю, что все это борьба за власть и поэтому связана с насилием, обманом и тому подобным злом. Злом же человек **никогда** не сможет сделать кому-либо добра.

Так называемый религиозный анархизм в сущности не что иное, как признание господства в жизни людей того самого **Источника Жизни,** который руководит и нашим "микрокосмом," и нашим крайне сложным организмом, который в сущности создан для выполнения **воли** этого Источника Жизни — Высшего Принципа премудрости, любви и всякого блага. И так как признание Руководителя в образе Высшей Справедливости, Братства, Равенства и Свободы есть в сущности те самые атрибуты Творца, собирательное имя которого всегда было Бог, то религиозный анархизм есть, по моему мнению, стремление жить по законам вечным, установленным спокон веков и в различных странах и в разные времена были проповеданы великими Учителями.

В своей долгой жизни (мне скоро 86 лет) я заметил, что большинство атеистов и других, отрицаю-

щих религию, по существу не признают только церковности и в глубине души ближе всего стоят к истинно-религиозным, свободным, верующим во Единого Источника Жизни. Верить в царство Любви, Мудрости, Справедливости и взаимослужения — это основы истинно-религиозной жизни человека.

Пробуждение во всех странах стало очевидным фактом и оно распространяется все быстрее и быстрее. Люди начинают понимать друг друга независимо от своих весьма различных воззрений. Самостоятельно мыслящий человек всегда имеет свои, ему одному присущие, взгляды и понимание жизни. Важно однако в жизни каждого человека не его **рассудочное понимание и вера,** но его отношение к своим ближним и дальним людям-братьям в его обыденной жизни. **Николай Ш.**

МАЙНОТ, Н. Дакота. — Книгу А. А. Карелина "Вольная Жизнь" прочитал с захватывающим интересом. По своей идеологии Карелин равен Кропоткину, Прудону и прочим идеалистам. Вся беда лишь в том, как вложить все человечество в такие идеальные формы, когда в человеке живет еще зверь?! Как можно воздвигнуть хорошее здание из плохих кирпичей? Если бы перевоспитать все человечество морально, тогда можно было бы говорить о **вольной жизни.** Можно начинать постепенно с обыкновенного кооператива, как, например, Фармерский Союз в Норт Дакоте или кооперативное устройство в Швеции, хотя оно пока и далеко от идейного кооператива, но всё же ближе к нему, чем остальной мир. **А.К.Д.**

БЛЮЭТ, Б. К., Канада. — Благодарю за присланную книгу Карелина "Вольная Жизнь," за которую посылаю 1 д. На 142 странце имеется заметка о "духоборческой общине," которая не соответствует действительности. Я сам духоборец, родился в общине, жил в ней до полного краха и знаю немного больше, чем М. И. Туган-Барановский. Прочтите книгу Семена Рыбина "Труд и Мирная Жизнь" (История духоборцев без маски). **В.И.К.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Денежным переводом посылаю вам 20 д., которые были собраны в фонд журнала "Дело Труда-Пробуждение" на деловом собрании 72 отдела РООВА. Представитель "ДТП" обратился к собранию с просьбой уделить некоторую сумму на издание журнала. Возникли разногласия, во время которых определились друзья рабочей печати и ее недруги. Описывать их нет смысла, лишь напомним, что "не хлебом единым жив человек" и что недруги материальным своим состоянием всецело обязаны борцам за рабочее дело, которые потеряли не только свою свободу, но и жизнь, а стяжатели пожинают плоды их трудов. Борьба с капитализмом продолжается и по сей день.

Когда разногласия начали усиливаться, поднялся благородный Сивко и сказал: "Граждане, я вовсе не разделяю взглядов журнала, тем не менее я его поддерживаю и читаю. После трудового дня с его серостью и надоедливой суетой я беру в руки этот идеальный журнал и читаю. Читаю, отдыхая душой, и радуюсь, что среди нас есть идеалисты, которые мечтают о всеобщем счастье для людей и жертвуют свой труд на это дело. Если отдел ограничился лишь пятеркой, я жертвую 10 д. и еще раз повторяю, что взглядов журнала не разделяю."

На призыв откликнулись своими пожертвованиями следующие лица: И. Сивко — 10 д., 72-й отдел РООВА — 5 д., Олейник — 2 д., Смирнов — 2 д. и Дмитрешко — 1 д., итого — 20 д. Представитель журнала благодарит жертвователей и крепко пожимает руку Сивко за его откровенность, за его моральную и денежную поддержку журнала "ДТП."
С тов. приветом **Ф. Коваленко**

ХЕМПСТЕД, Н. И. — История повторяется: русская колония в Америке стареет и в большинстве случаев теряет интерес к чтению книг, в особенности толстых, большого формата. Такую книгу, как бы она ни была ценна, трудно продать. Вдобавок появились аппараты телевидения, и наши старики так засиживаются у телевизоров, что "не имеют времени" навестить друг друга, часто в беде. Даже в организациях, которые обязаны собираться хоть раз в месяц, почти нет "никакого движения воды," литература залеживается. А среди новой иммиграции мало людей, интересующихся анархизмом — теорией и философией вольной жизни. Я думаю, что надо печатать небольшие брошюры агитационно-разъяснительного характера, в которых указывалось бы, что собою представляет либертарное движение, как оно зародилось, кто были его вожди, какую пользу извлекают рабочие, став его последователями и защитниками интересов трудящихся, а не буржуазии, частного капитализма или красного госкапитализма. Оба капитализма угнетают и эксплутируют трудящихся. Большевистский государственный капитализм ничем не лучше, если не хуже, частного капитализма. Борьба должна вестись за свободу, справедливость, равенство (в правах) для всех, а не за привилегии. В этом заключается подлинное братство. **В.Р.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие "делотрудовцы!" Шлю вам 5 д., из коих 4 д. в фонд журнала "ДТП" и 1 д. за книжку А. Карелина "Вольная Жизнь." Книжка как раз кстати, ибо толковых книг очень мало, но издается много всякого хлама. Честь и слава Детройтскому Профсоюзу, издавшему эту книгу, и вечная память т. Курсмецову, на деньги которого она издана. Видя такую вашу честность и благородство, как можно не откликнуться на ваш призыв и не пожертвовать 5-10 д. на издание журнала?! Охотно это делаю. С глуб. уважением **С.Д.**

НЬЮ ИОРК, Н. И. — Считаю очень важным выпустить Историю Русского Анархического движения в Америке, ибо без нее культурный мир не будет осведомлен о той работе, которая проводилась здесь молодыми русскими рабочими и крестьянами. Многие из них пострадали, некоторых замучили в застенках громилы Палмера, а другие отдали свою молодость и все свое время бескорыстному служению обществу на благо народа в рядах безвластников. Наша священная обязанность (всех тех, кто еще сочувствует либертарному движению) дать знать о них миру и, если не увековечить, по крайней мере, отметить их имена. **В.Р.**

ДЕТРОЙТ, Мичиган. — Дорогие товарищи! Я человек маленький, масштабы моего мышления тоже маленькие, явления принимаю больше чуствами, чем разумом. Я чувствую, что вы делаете великое дело освобождения Труда от развращающего капитализма и темных пережитков всяких религий. Я знаю, что вы все работаете безвозмездно, а ведь ныне жизнь так осложнилась, что за стакан простой воды требуют плату. Требуют плату даже за то, что че-

ловек хочет подышать свежим воздухом. Ваш же труд бескорыстный, святой труд. Шлю в фонд журнала "ДТП" 1 д. и земной поклон. **М. Нестюк**

ЧИКАГО, Иллиной. — Уважаемые товарищи, посылаю вам 8 д. 50 сентов, вырученные от распространения журнала "ДТП." **И. Волков**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уваж. тт., прилагаю денежный перевод на 14.25, из коих 1.25 за пять экземпляров № 47 "ДТП," а 13 д. в издательский фонд журнала; жертвовали: С. Медынич — 10 д. и К. Семенос — 3 д. **С.М.М.**

Вести из Японии

(Из письма)

5 июня 1955 г.

Уважаемый товарищ!

С большим удовольствием и благодарностью мы получили пожертвованные Вами книги высокой ценности: "1917 год" Волина, "Конструктивный Анархизм" Г. П. Максимова и брошюру "Болгария — новая Испания." Эти книги дали нам много полезного. Ныне мы переводим "Конструктивный Анархизм" и печатаем его отрывками в каждом номере нашей газеты. Теперь приступим к публикации книги Волина.

Очень многие из нас безработные и финансово мы очень бедны. По этой причине мы не можем выпускать регулярно нашу газету, но наша борьба против власти будет продолжаться. Она подкрепляется глубокой интернациональной солидарностью, какую Вы выразили нам. Еще раз благодарим Вас.

Мы будем иметь наш годичный съезд 16 и 17 сего июня. Наша программа проста — наше отношение и критика двух Анархических Интернационалов в Париже: C.R.I.A. и новый Интернационал Либертарного Коммунизма. Очень трудно узнать, который из них лучше и к которому бы мы, Федерация Анархистов Японии, должны бы присоединиться.

В Японии между анархистами старого и молодого поколений имеется разница во взглядах, а иногда и несогласованность. Видим, как и т. Рудольф Рокер, что мы должны шире открыть наши ворота.

С братским приветом, *Т. Ямага*

От редакции: Желающие помочь японским товарищам в пропаганде идей анархизма могут послать свои пожертвования по следующему адресу:

T. Yamaga
263 Nakayama—2, Ichikawa-Shi
Chibaken, Japan

Финансовый Отчет Редакционной Коллегии "ДТП"

с 1 апреля по 10 июля 1955 г.

ПРИХОД:

Перенос	$225.18
Поступило в фонд журнала	127.00
Поступило за проданные номера	21.00
Поступило на подписку	5.00
Поступило за книги	67.00
Итого	$445.18

РАСХОД:

Издание и экспедиция	$370.05
За помещение за 5 месяцев	50.00
Итого	$420.05
Остаток на 10 июля	$ 25.13

"Стремление к экономической и политической свободе это выражение одной и той же потребности в равенстве, вокруг чего вращается вся историческая борьба."

П. Кропоткин.

Каталог Книг

Книга—ваш лучший друг и собеседник. Только из книг вы можете получить точные сведения об интересующих вас предметах и учениях. Мы предлагаем вниманию читателей следующий список книг:

П. А. КРОПОТКИН: Хлеб и Воля	$1.50
— — Взаимная Помощь	1.00
— — Этика (в переплете)	1.25
— — (без переплета)	1.00
— — Речи бунтовщика	1.00
— — Современная наука и анархия	1.50
— — Великая Французская Революция	2.50
— — Анархия, ее философия и ее идеал	.15
Д-р П. ЭЛЬЦБАХЕР: Анархизм (в переп.)	1.50
Интернациональный Сборник—П. А. Кропоткин и его учение	1.00
ДЖ. ГИЛЬОМ: Интернационал	1.00
Е. ВОЙНИЧ: Овод. Роман из рев. жизни	1.75
ТОМАС ПЭЙН: Век Разума. Критика Библии	1.00
НОВОМИРСКИЙ: Что Такое Анархизм	.50
РАЕВСКИЙ: Анархо-Синдикализм	.25
НЕСТОР МАХНО: Русская Революция на Украине	1.00
МАКС НЕТТЛАУ: Очерки по Истории Анархических Идей (в переплете)	3.00
— — (без переплета)	2.00
А. А. КАРЕЛИН: Вольная жизнь	1.00
Е. З. ДОЛИН (Моравский): В вихре революции (в мягкой обложке)	3.00

Все заказы просим направлять по адресу:

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.